

Мастро

Всё начинается с мечты.
Все лучшие путешествия
и романы со счастливым концом.

Ирина
Голыбина

Страна любви. Романы И. Голыбиной

Ирина Голыбина

Маэстро

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Голыбина И. Д.

Маэстро / И. Д. Голыбина — «Эксмо», 2022 — (Страна любви.
Романы И. Голыбиной)

ISBN 978-5-04-181302-4

Что может быть прекраснее, чем лето во французском Провансе? Марина прилетает туда ради Маэстро, солиста оперы, с которым недавно познакомилась в Петербурге. Она мечтает, что между ними начнется роман — обстановка французского юга подходит для этого как нельзя лучше. Маэстро знаменит, живет в собственном поместье близ Экс-ан-Прованса и участвует в оперном фестивале, который проходит там же; Марина в качестве зрительницы приходит на его спектакль. Удастся ей осуществить свою мечту или она останется ни с чем? Лавандовые поля и старинные замки, винодельческие хозяйства и роскошные рестораны — идеальные декорации, на фоне которых развиваются отношения двух необычных и очень обаятельных людей. Ирина Голыбина создала цикл романов, в которых героини – обычные женщины, мечтающие о счастье и любви. В них читательницы узнают себя и своих подруг, и понимают, что любые мечты сбываются, даже если на первый взгляд они кажутся недостижимыми. В каждом романе героини отправляются в новые страны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181302-4

© Голыбина И. Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Голыбина

Маэстро

Оформление серии Натальи Каштыкиной
Редактор серии Антонина Самофалова

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Pirat Pirat, Klara_Steffkova, Feel good studio, All for you friend, Vadim Zakharishchev /
Shutterstock.com;

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
IrenaStar / Shutterstock.com и иллюстрация:

© GoodStudio / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Голыбина И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Se non è vero è ben trovato

Все персонажи вымышлены, совпадения случайны, а ошибки исключительно на совести автора, который от всей души желает читателю насладиться этой книгой...

Глава 1

Забавляйтесь, детки милые.
М. Чайковский,
либретто к опере «Пиковая дама»

На пандусе аэропорта теснились такси, курили пассажиры перед грядущим никотиновым голодом, полицейский с собакой ходил с суровым видом взад-вперед. Был он молоденький, не особо уверенный, и овчарка словно извинялась за то, что вынуждена работать с таким неубедительным напарником.

Марина захлопнула дверцу машины, попрощавшись вежливо с таксистом, и покатила чемодан к дверям терминала. Чемодан, конечно, громко сказано – чемоданчик ярко-желтый, стандартная ручная кладь, чтобы взять в салон и не дожидаться потом у транспортера.

На контроле безопасности очереди, вопреки ожиданиям, не оказалось. Марина быстрым шагом направилась к стойкам, зарегистрировалась, прошла паспортный контроль. Хотелось кофе, и она свернула в «Шоколадницу». Несмотря на солнечное утро, над столиками в глубине зала горели оранжевые лампы. Места сколько хочешь, выбирай любое. Марина уселась в кресло, на которое первым упал взгляд, сняла сумки, надетые крест-накрест, вытащила телефон. С ее места было видно летное поле, бело-голубой самолет «Победы» и, наверное, тот, на котором она полетит – «Россия», с красными буквами по борту.

Официант, вроде бы бодрый, несмотря на половину седьмого утра, принял заказ: большой капучино и минеральная вода. Хотелось, конечно, отпраздновать поездку «Аперодем», но время не располагало. Можно пить на солнечном рассвете, если ты не куролесил всю ночь? Вряд ли. Лучше уж по прилете.

Марина посыпала сахаром пенку, зачерпнула ложкой, отпила кофе. Параллельно листала ленту в телефоне: никакой политики, никаких новостей. Книжные рецензии, оперные премьеры. В соцсетях рекомендовали свежий научпоп: что-то про пути принятия решений. Любопытно, но ее решение на ближайшие пару дней принято: Питер, Мариинский театр, площадь Искусств и Русский музей. Свидание с прекрасным.

Объявили посадку на какой-то другой рейс; Марина на всякий случай взглянула на табло – ждать еще минут десять. Открыла в телефоне билеты в Мариинку. Давно придерживалась традиции «если в оперу на самолете, то только в первый ряд». Опять же, на Олега Владимировича стоит посмотреть. Не просто тенор – актерище! Вроде лицо советского партработника, да и возраст под шестьдесят. Но кто об этом вспомнит, когда начнется магия? А у него без магии не бывает.

Обычно Марина следила, когда он появлялся в Мариинском, заранее покупала билеты и подстраивала планы под его выступления. Собственно, как и в этот раз. Давно уже хотелось выпасть на пару дней из привычной жизни. Поселиться в красивом отеле, завтракать в ресторане каждое утро.

Марина покрутила головой: к воротцам подходили люди, выстраивались в хвост. Девушка за стойкой отцепила ограждение, начала проверять билеты. Очередь таяла быстро, народу полетит немного. Марина встала, заплатила у бара, чтобы не дожидаться счет, прошла через контроль. Оттуда сразу, по рукаву, к самолету. Аппетитно пахло резиной покрытие под ногами, туфли на плоской подошве издавали на нем чмокающий звук. Стюардессы поздоровались, еще раз посмотрели билет. Бизнес-класс у «России» скромный, но хоть ноги не придется поджимать.

Марина устроилась поудобнее, парень-стюард помог положить чемодан на багажную полку, захлопнул ее с громким щелчком. На кресле лежал плед в целлофановой упаковке,

кажется, еще одноразовые наушники. Зачем плед в такое солнце? Спать Марина точно не собиралась. Можно поработать, посмотреть в иллюминатор на облачка. Поиграть в телефоне, в конце концов. Лететь какой-то час, не заметишь даже.

И правда не заметила. Только включила музыку, начала новую игру – и все, приступаем к снижению. Марина потянулась, размяла спину. Кажется, та даже не успела затечь. Душу грело радостное предвкушение. Вот уже и Пулковое под крылом. Как лучше: взять машину или поехать на такси? Одной комфортнее, конечно. Рулишь куда хочешь. Наверное, так и надо сделать. Что-нибудь удобное забронировать себе. «Мерсик». «БЭэмвэшку». Чтобы радовало.

В Питере погода не подвела, такое же солнце, как ни удивительно. Марина вышла из терминала аэропорта, присела на скамейку, запрокинула голову. Небо пронзительно-голубое, прохладно, но не холодно. Сколько, градусов пятнадцать? Суровый российский июнь. Покопалась в приложениях каршерингов: «трешка BMW» припаркована совсем рядом. Кликнули замки, чемодан отправился в багажник. Марина отодвинула сиденье, поправила зеркала. Что еще? Музыка, конечно. Под руку подвернулся готовый плейлист, «Хорошее настроение». Действительно хорошее. Поехали!

Плавно лег под колеса Московский проспект, навигатор показал, что до отеля еще минут двадцать. Хотелось уже скорей приехать, распаковать вещи (немногочисленные), спуститься в холл, выйти на площадь Искусств. Покурить на скамейке. Посмотреть на людей. Петербуржцы совсем другие, не похожи на москвичей. Хотя на площади больше туристы, конечно. Когда пойти в Русский музей – сегодня или завтра с утра? Наверное, лучше завтра, к открытию. Чем меньше народа, тем приятнее. Есть там несколько вещей, которыми хочется наслаждаться в одиночестве.

Возле отеля к машине сразу подскочил портье, забрал багаж. В лобби переливались люстры, было тепло – теплее, чем в тени подъезда на улице.

Ждать регистрации не пришлось, у стойки всего одна супружеская пара – шведы, кажется, – с собачкой-пекинесом. Собачка уставилась на Марину глазами навыкате, оценила: какая-то длинная, худая, волосы как метла...

Марина получила магнитный ключ вместе с пожеланием приятного отдыха, поднялась к себе. В коридоре вкусно пахло то ли кофе, то ли печеньем. Носильщик завез ей в номер чемодан, получил чаевые и тихонько ретировался. Она выключила кондиционер, распахнула французские двери на микроскопический балкончик. С Невского несся приглушенный размеренный шум, сигналил автобус, пытаясь заехать на парковку перед музеем. Голуби хлопали крыльями.

Прежде чем переодеться, Марина открыла чемодан и развесила вещи в гардеробе. Принять душ или ладно? Вроде после самолета не помешало бы. Но лень. Глянула в зеркало – вполне себе, даже тушь не размазалась. И вообще, кому какая разница? Оставила в номере куртку, сунула телефон в карман, планшет – под мышку. Можно идти.

На площади Искусств она всегда сидела подолгу. В этот раз точно часа четыре. Время от времени вставала со скамьи, прогуливалась по Итальянской. Уходить никуда не хотелось. Потеплело заметно, уже градусов двадцать, не меньше. Самое удовольствие молчать, читать, покуривать. В какой-то момент с ней попыталась заговорить девушка, гулявшая с ребенком. Марина подняла на нее отсутствующий взгляд, пожала плечами, и та отступила.

Обедать она собиралась в отеле, но часа в два, внезапно передумав, пошла через Невский в «Буше» у Казанского собора. Купила сандвич, минеральную воду и устроила себе пикник. Перед домом Зингера, как обычно, суется народ, входили-выходили в книжный. Не смогла отказать себе в удовольствии, нырнула в двери. Минувя сувенирку, отправилась сразу к стеллажам. Полистала пару альбомов, томик с мемуарами. Нет, не то. Поднявшись на второй этаж, посмотрела в окно на собор: людей в сквере стало заметно больше – туристы, молодежь. Какой-

то парень брэнчал на гитаре, две девушки пританцовывали. Да уж, это вам не опера! Славно, что билеты на сегодня.

Тут же зацепилась следующая мысль – надо вернуться в отель, прилечь, отоспаться. Маску себе сделать. В номере большущее джакузи, грех не воспользоваться.

Первым делом, добравшись до отеля, развесила в ванной вещи на вечер. Пускай отпариваются – куда удобнее, чем возиться с утюгом. Залюбовалась ювелирными пуговицами на изумрудной шелковой блузке. Наслаждением будет надеть, побрызгаться любимыми духами, пройтись в туфлях на каблуке. Вытершись огромным гостиничным полотенцем, прилегла на двуспальную кровать, покрутилась, ища уютное положение, и незаметно задремала. Необходимости ставить будильник не было, времени до театра достаточно. Проснувшись, бросила взгляд на электронные часы у изголовья: половина пятого. Можно подниматься.

Перед оперой Марина собиралась поужинать – расслабиться, выпить коктейль. Принарядившись, покрутилась перед зеркалом: похудела за последние полгода заметно, есть повод себя похвалить. Не то чтобы специально старалась или сидела на диете, просто не передала и чаще обычного заглядывала в спортзал. Сегодня можно будет дать себе волю.

Доехала до ресторана на такси, постояла под солнышком. Всем «ВинСент» хорош – жаль, террасы нет. Здорово бы сейчас посидеть на воздухе! Марина заказала себе наконец «Апероль», брускетту на закуску, кофе и крем-брюле. Двери Мариинки буквально напротив, потом можно сразу заходить. Крем-брюле оказался хорош, и она с аппетитом его доела, разламывая ложкой корочку. Настроение уже стало радужным, музыка заиграла в голове. Вот-вот опера начнется, пора.

Расплатившись, Марина встала перед подъездом театра покурить. Посмотрела афиши: вот он, Олег Владимирович – Маэстро. Герман в «Пиковой даме» – самая знаменитая его роль. Блистает с ней и в Нью-Йорке, и в Париже, и в Вене. Но поет, конечно, не только Чайковского – еще и Пуччини, и Верди. Для афиши взяли сцену из последнего действия, за карточным столом. «Что наша жизнь? Игра!» Тут он в мундире, но уже полусумасшедший; широко распахнутые глаза смотрят в пустоту. Драматического таланта Калугину не занимать. Марина знала, что его не раз приглашали сниматься в кино, но Маэстро хранил верность опере, ставя ее выше всех искусств.

Благодаря теплой погоде в гардероб спускаться не пришлось. Марина поправила перед зеркалом волосы, прошлась по фойе. Исполнила обязательный ритуал с покупкой программки – она их коллекционировала. Складывала в нарядную коробку, временами перебирала, и сразу возникало желание пойти еще куда-нибудь. Получалось, что коллекция пополняет сама себя.

На новой сцене ей достались самые любимые места: в боковой части первого ряда партера. Оркестр, уже в полном составе, сидел в яме. Дали третий звонок – пора начинать. Плавно погас свет, вышел дирижер, поклонился аплодисментам. Дирижер маститый, знаменитость. Но все равно, главный сегодня Олег Владимирович. Вся публика пришла на него. Между прочим, еще Петя будет, молоденький баритон. Ну как молоденький – слегка за тридцать. Для оперы не возраст. Калугину около шестидесяти, а звучит всем на зависть.

С появлением Маэстро на сцене началась та самая магия. Марина, хоть и знала текст наизусть, прислушивалась к каждому слову. Ждала с дрожью любимого «Я болен, болен – я влюблен!». Из интернета ей было известно, что звездный тенор второй раз женат, от первого брака две взрослые дочки. Живет во Франции уже много лет. Вторая жена русская, тоже певица, сопрано. Выполняет при нем функции агента. Заключает контракты, договаривается об условиях. Карьера у Маэстро сложилась, жизнь удалась. Один из самых высокооплачиваемых оперных артистов в мире, между прочим. Внуки летом приезжают на французскую виллу погостить к знаменитому деду.

Пока Марина отвлеклась, декорации на сцене поменялись, и вместо Летнего сада за занавесом возник девичий будуар. Лиза, возлюбленная Германа, щеголяла в голубом negligé.

Кого-то раздражала полноватая дама-сопрано, но Марине она нравилась. Умница, трудяжка. Остальные мечтают о мировых сценах, она тут, дома, поет и поет. Тянет на себе половину репертуара, но и славы получает с избытком.

Вот-вот войдет Герман, будет признаваться в любви. Сцена в будуаре Марине нравилась куда меньше, чем объяснение со старой Графиней. Хотя и там, и там Олег Владимирович отыгрывал на двести процентов: Лизу соблазнял, Графиню запугивал.

В антракте, распираемая вдохновением, Марина побежала через проспект в цветочный магазин. Прямо от входа взгляд упал на роскошные лилии, и она попросила собрать из них букет. Контролер в театре посоветовал отдать его капелдинерам, те найдут вазу. В зал с цветами нельзя. Любезная женщина в форменном жилете взяла букет, подписала бумажку. Спросила, может, передать в гримерную, но Марине хотелось вручить лично. Тогда на выходе, по окончании. На сцену зрителей не выпускают.

Второе действие начиналось с «Пасторали»: композитор специально вставил в оперу шуточное представление с переодетыми пастушками, чтобы вывести на сцену балерин, за которыми волочились петербургские офицеры. Дальше фейерверк: «Хозяин просит дорогих гостей пожаловать смотреть на блеск увеселительных огней...» Лиза позволяет Герману пройти к ней в спальню через старухины покои, он сталкивается там с Графиней, требует назвать карты, а та вдруг падает замертво. Что ни говори, плохой человек Герман – и у Пушкина, и у Чайковского.

После второго антракта, во время которого Марина успела выпить в буфете бокал шампанского и прогуляться на улицу покурить, Маэстро перестал экономить силы и зазвучал так, что оркестр померк на его фоне. Она сидела, держась за подлокотники; объемный голос Калугина заполнял зал, улетал на галерку. Не перепеть, не переиграть великого тенора! А как он умирает в конце! Такое не изобразишь, надо чувствовать. Выбрасывать собственную, выстраданную, энергию.

Все, аплодисменты. Публика словно по команде подхватила на ноги. Марина хлопала до конца, кричала «браво». Кланялся Маэстро скромно, выводил вперед себя сопрано, потом отступал за дирижера. Хоть и понимал, что зрители сегодня пришли ради него.

Занавес закрылся, и Марина отправилась в фойе со стенами из светящегося желтого камня забирать свой букет. Через стеклянные двери нырнула в питерскую ночь. От воды шел холод, месяц звенел в небе под аккомпанемент звезд. Служебный вход искать было не надо – вот он, сразу за углом.

Первым вышел Петя, баритон. Высокий, осанистый, с животиком. Бородой оброс. Славный парень: Марина периодически переписывалась с ним в Интернете, здоровалась, если виделись перед спектаклями или в антрактах. Он традиционно ходил слушать коллег, мог и впечатлениями с ней поделиться. Как-то раз вместе кофе пили в Москве, на Маяковке, когда Мариинский театр приезжал на Пасхальный фестиваль. Марина ужинала на террасе в «Чайковском», Петя заглянул за американо, а она, узнав, так ему заулыбалась, что он сразу покраснелся, поздоровался и заговорил. Тогда худой был, специально сидел на диете. Интересно, не опасно это для голоса? Может, и да, раз набрал вес обратно.

Петя обрадованно кивнул, Марина смутилась: цветы-то не ему. Спросила, скоро ли освободится Олег Владимирович. Да, уже идет. Петю встречал еще кто-то – мужчина с мальчиком, наверное, сыном; втроем они отправились к метро по мосту. Марина покрутила головой: не дожидается ли кто с ней вместе? Вроде никого, только она.

Дверь распахнулась, и показался Маэстро. Маленький, загорелый. Весь в темно-синем. Куртка, кепка, в руках зонт. Шарф на шее – правильно, в Петербурге надо беречься, особенно если ты тенор, да еще и из теплых краев.

– Олег Владимирович!

Он оглянулся, искал глазами, кто зовет. Марина шагнула ближе:

– Это вам.

Протянула букет. На холоде лилии пахли пронзительно, терпко. Зашелестела пленка, Маэстро взял цветы, понюхал.

– Спасибо. В честь чего?

Марина изумилась: серьезно? В честь трех с половиной часов непрерывного счастья!

– Вы потрясающе пели. И играли. Никто так не умеет.

– А вы много видели?

Интересно, это он нарочно, зацепить? Не в настроении?

– Вообще, много, да. Я езжу, летаю. Мне очень нравится. И в Мюнхен, и в Вену, и на фестивали. Но если вы здесь, в Мариинке, обязательно прихожу. Точнее, я из Москвы, прилетаю. Билеты покупаю на старте продаж. На «Паяцев» и на «Даму» так непременно. И на «Турандот».

– Ну что же, рад за вас. Автограф? – это он заметил, что Марина держит в руке программку.

– Да, спасибо большое!

Похоже, Маэстро почувствовал, что Марина обиделась. Подошла поблагодарить, а тут нате, колкость...

– У меня в машине афиши есть. Хотите, афишу подпишу?

– Очень хочу!

– Тогда пойдемте, шофер ждет на стоянке.

Олег Владимирович двинулся неспешно по тротуару, Марина за ним. Зонт-трость держал на отлете, по асфальту не стучал. Обернулся, спросил еще, видимо, чтобы загладить неловкость:

– И где вы останавливаетесь, если не из Питера сами?

– В «Гранд-отель Европа». У площади Искусств.

– Ну надо же! И меня там поселили. Я ж в России бездомный, – хмыкнул Маэстро.

Подойдя к машине, распахнул заднюю дверцу, обратился к шоферу:

– Руслан, багажник откройте, пожалуйста!

Тот нажал под рулем кнопку, выскочил, потянул крышку вверх, хотя та уже поднималась сама. Внутри лежали афиши, свернутые в тугую трубку под резинкой. Чемодан, одежда в чехлах. Сумка с ноутбуком. Глазастой Марине одного взгляда хватило все заметить. Маэстро снял с афиш резинку, развернул одну, вытащил из кармана ручку – наверное, всегда держит наготове.

– Кому подписать?

– Простите?

– Вас как зовут?

– Ах да! Марина. Голубева.

Взмахнул рукой, черкнул размашисто: «Марине с наилучшими пожеланиями» – и подписался. Протянул здоровенный лист, и Марина принялась сворачивать его в трубку обратно.

– Ну что, раз мы соседи, позвольте вас подвезти.

Марина подумала, что ослышалась, подняла глаза. Заметила на левой скуле у Маэстро след белого грима. Конечно, в финале он бледный. Умирает все-таки.

– Подвезти? – переспросила Марина, запнувшись.

Ну все, решит теперь, что она глухая. Или идиотка. Альтернативно одаренная.

– Да, садитесь. Руслан ждет.

Хорошенькое приглашение... Но не отказываться же! Такой шанс: прокатиться в одной машине, поговорить еще немного. Хотя пока что она и не говорила, только переспрашивала. Ладно, какая разница. Он ее и не запомнит – подумаешь, зрительница.

– Спасибо!

Руслан уже держал для нее открытой дверь. Марина опустилась на заднее сиденье, Олег Владимирович сел с другой стороны. Урчал двигатель, работал кондиционер: температура градусов девятнадцать, не жарко и не холодно. Наверняка с учетом требований тенора. Он тем временем размотал на шее шарф, расстегнул куртку. Марина бросила взгляд за окно: в Крюковом канале плескалась чернющая вода, по ней бежали от фонарей дорожки неяркого света. Проплыл речной трамвайчик: замерзшие пассажиры на верхней палубе кутались в пледы.

Марина развернулась к нечаянному спутнику: как он, готов общаться? А может, надо просто молча доехать до отеля, поблагодарить и раствориться в темноте?

– Знаете, я вам завидую, – забросила удочку Марина.

Деваться Маэстро было некуда, пришлось спросить:

– Чему конкретно?

– Ну, вам как минимум о смысле жизни не надо думать. Когда такое удовольствие доставляешь такому количеству людей, подобные вопросы не возникают, наверное.

– Бросьте, одно с другим не связано.

– Нет? Для меня было бы.

– А вы чем занимаетесь?

– Книгами.

– Пишете?

– Перевожу. В основном, искусствоведение, архитектура. Фотография иногда. Мода. Вот про оперу почему-то не попадается. Наверное, издательства не те.

– А художественную? Романы там? Не переводите?

– Нет. Точнее, очень редко. Знаете, как назывался последний роман, который мне предложили на перевод? «Алмаз любви у нее в пупке». Вы бы оперу с таким названием стали петь?

– Хм... – Маэстро вдруг заулыбался, даже как-то обрадованно. – Кто знает, может, и стал бы. Достаточно афишу себе представить.

– Я видела обложку. Вам бы не понравилось.

– Ну почему? Европа была бы в восторге. Пресса обеспечена. Новаторский подход, режиссерская опера, блестящее решение...

Похлопал по карману куртки:

– Хотите шоколадку?

Марина опять едва не переспросила, так изумилась. Но тут же опомнилась, кивнула:

– Давайте.

Маэстро вытащил из кармана шоколадный батончик в мятой обертке – похоже, из самолета. Марина расхохоталась, он за ней следом. Предложила:

– Давайте пополам?

– Давайте. С завтрака не ел.

Разломил шоколадку, отдал ей половину, вторую сунул в рот и быстро прожевал.

– Это потому, что петь на голодный желудок неудобно?

– Это потому, что время неправильно спланировали. Репетиция и спектакль сразу, без перерыва. Голодный как волк!

Как раз подружили к отелю, остановились перед подъездом. Лобби переливалось электрическими огнями, отъезжали такси, ждал кого-то длинный лимузин. Руслан снова выскочил из машины, открыл двери: сначала перед Мариной, что она очень оценила. Маэстро вылез сам, не дожидаясь шофера. Лилии, которые Марина подарила, так и остались на переднем сиденье. Он поблагодарил водителя, пожал руку, и тот напомнил:

– Завтра в двенадцать.

– Договорились.

– Спокойной ночи!

– До свидания.

Марина стояла, переминаясь, у подъезда, дожидаясь, пока можно будет распрощаться и уйти. Руслан сел за руль, тронулся, поехал. Маэстро развернулся к ней.

– Спасибо большое, что подвезли, Олег Владимирович. Спокойной ночи! И удачи вам завтра!

– Да не за что. Вам тоже спокойной ночи. Спасибо за компанию.

Марина первой вошла в холл, он вроде бы сразу за ней. Она, не оглядываясь, направилась к лифтам.

– А вы очень устали?

Голос точно его. Обернулась – да, стоит, на нее смотрит.

– Терпимо.

– Может, поужинаете со мной? Я приглашаю.

Марина про себя усмехнулась: если бы и пришла мысль отказаться, то уж точно не из-за денег. Но мысли такой и в помине не было.

– Хорошо. Но я не голодная. Только выпить.

Он в ответ снова хмыкнул. Похоже, одобрительно. И отступил в сторону, указывая рукой на ресторан.

– Прошу!

Глава 2

*Будем петь и веселиться,
Старости недолго ждать.*

*М. Чайковский,
либретто к опере «Пиковая дама»*

После второго бокала коньяка голова у Марины уже немного кружилась. Олег Владимирович доедал свой ужин, запивал вином. Бутылка белого, почти пустая, стояла в центре стола. Официант подошел, долил его бокал, унес бутылку. Спросил про десерт. Марина усмехнулась: – Шоколад.

Маэстро понял шутку, закивал. За ужином говорил мало, в основном задавал вопросы и позволял Марине рассказывать, а сам ел неторопливо: салат, потом краба, затем пасту. Вино пил, не пьянея, сказывалась, видимо, французская закуска. А может, белое легонькое было.

Марина, потягивая коньяк, болтала, чувствуя себя на удивление комфортно. Чем-то поделилась о себе: была замужем, взрослая дочь. Музыкой никогда не занималась, но оперу любит всей душой. Вспоминала, как летала недавно в Вену или в Большом слушала мужа знаменитой примадонны. Всего и достоинств, что муж. В первом же действии поняв, что ничего хорошего дальше не ожидает, дотянула до антракта, спустилась в буфет и решила выпить. Уходить было жалко, билеты дорогие. Коньяк и в тот раз помог. Муж лучше звучать не стал, но в целом ситуация показалась даже забавной. Марина хихикала, пара – мама с дочкой, – сидевшая рядом, поддерживала. Похоже, и на них супруг примадонны впечатления не произвел.

Маэстро посматривал, кивал, не комментировал. Просто спрашивал еще о чем-нибудь, и Марина подхватывала, вдохновляясь его интересом. Казалось бы, следует волноваться, но отчего-то ее, наоборот, охватил задор: подумаешь, знаменитость – обыкновенный мужичок, не особо привлекательный, хоть и гений. Тут же не сцена, ресторан. Официант, вон, наверняка не знает, что у них за гость. А может, в коньяке было дело. Даже скорее всего.

Пожунав, Олег Владимирович начал прощаться. Марине почему-то казалось, что будет еще приглашение в лобби-бар, на последнюю рюмку перед сном, но нет. Не предложил проводить до номера, даже до лифта. Не говоря уже о прочих намеках. Улыбнулся добродушно, по-семейному. А что, по возрасту она ему в дочери годится. Раньше как-то не думалось об этом, а тут вдруг мелькнуло. Ей сорок два, ему сколько – шестьдесят? Ну почти.

В ресторане же попрощались, поблагодарили друг друга за вечер. Марина пошла к стойке уточнить, до какого времени работает бассейн. Хотелось еще поплавать перед сном, но нет, поздно, СПА закрыт. Только завтра.

Марина поднялась в номер, переделась в пижаму, залезла под одеяло с планшетом, начала читать. Захотелось чаю, но вставать было лень. Перевернувшись на бок, она крепко, без сновидений, заснула.

Первым делом, распахнув наутро глаза, Марина подумала: «Боже, что это было?» Серьезно, она ужинала с Маэстро? Кажется, еще и выпила прилично. Рассказывала о себе, хихикала. Какой кошмар!

Невольно зажмурившись, она потянула одеяло на голову. Ну ничего себе приключение! Будет, что вспомнить. С этой мыслью Марина накинула халат и прямо в нем спустилась на отдельном лифте в СПА. Повезло: в бассейне не было ни души, и Марина наплавалась всласть. Взяла со стеллажа бутылку воды, отпила, потянулась. Пора завтракать! Жаль, туда в халате нельзя.

Пришлось вернуться в номер, одеться. Заодно накрутила и взяла сумку, чтобы после завтрака сразу идти в город. Погода опять не подвела: из-за облаков прорывались солнечные лучи, дождь вроде бы ночью прошел, но оставил только маленькие лужицы на асфальте.

В лифте, пока спускалась, присмотрелась к своему отражению оценивающим взглядом. Марина не боялась возраста – по крайней мере, сама так считала. Но все равно: ловила в зеркале морщинки, хоть их и было немного. Сейчас все вроде пристойно. Выспалась, отдохнула. Помада цвета фуксии – неяркая, кремовая – очень ей шла. Очки в черной массивной оправе казались нарядным аксессуаром. Довольная собой, переступила туда-сюда ногами в закрытых остроносых ботинках, одернула кашемировый серый свитер, поправила на брюках ремень с двумя голубками в кольце. Все, звонок. Приехали. Двери раздвинулись, и Марина вышла в утренний прохладный холл.

Дорогу в ресторан подсказывали запахи кофе и выпечки: даже если бы не знала, куда сворачивать, все равно бы нашла. Господи, как пить хочется! Направилась первым делом к большому кувшину с водой, в которую заботливо добавили мяту, лимон и огурец. Жадно выпила сразу два стакана. Огляделась, подыскивая столик. Ну конечно, и он здесь!

Олег Владимирович сидел в глубине, под аркой. Наверное, сразу ее заметил. Кивнул, улыбаясь, Марина улыбнулась в ответ. Подойти? Или не надо? Как там положено по этикету? Все-таки он – мужчина, наверное, ему следует... да вот он уже поднимается.

Маэстро, не торопясь, пошел к ней навстречу, она осталась стоять.

– Вот так встреча! Что, успели выспаться?

Звездный тенор был в джинсах и свитере, под ним – простая клетчатая рубашка.

– Вполне. Доброе утро. А вы всегда так рано встаете?

– Когда работаю, обычно да. В двенадцать в театр, спешить не хочется. А у вас какие планы? Кстати, позавтракаете со мной? Присоединяйтесь!

Ого, как это понимать? Продолжение знакомства, романтический уклон? Или просто не нравится сидеть в одиночестве?

– Спасибо, с удовольствием.

Теперь придется думать, что прилично будет съесть в его присутствии. Как-то неэлегантно накидываться на яичницу или на сладкое. Марина поджарила себе тост, положила сверху лепесток сыра. Что добавить – огурец? Нет, лучше листья салата.

Присела за стол, официант подошел спросить, какой она будет кофе.

– Капучино, пожалуйста.

Маэстро тоже попросил чашку. Он уже поел; официант забрал посуду.

– По-моему, я вчера весь вечер не замолкала. Сегодня ваша очередь. Как вам в Питере?

– В этот раз неплохо. Тепло. А так постоянно простываю. И сырость тут, конечно. Я сам из Новосибирска, там, хоть и морозы, влажности такой нет.

– Мне тоже нравится. Повезло с погодой. Весь день собираюсь гулять. Вот поем сейчас и двинусь.

– А мне на репетицию. Может, захотите прийти?

Вопрос был задан обыденно, мимоходом, и Марина не сразу поняла – он что, предлагает вот так, запросто, явиться в театр? Без билетов и контрамарок? Присутствовать на репетиции? Да это же мечта! То, что надо соглашаться, было очевидно, как только не показать восторга?

Не поднимая глаз от тарелки, Марина побарабанила кончиками пальцев по столу, делая вид, что размышляет. Взглянула на Маэстро, кивнула.

– Спасибо. Если можно.

– Я предупрежу на пропускном. Ваша фамилия как?

– Голубева.

– Думаю, запомню. Подходите, когда будет удобно.

Удобно? Да она уже сейчас помчалась бы в театр, засела где-нибудь на верхотуре, затаилась, чтобы не выгнали. Марина сама не верила своему счастью. Если он выезжает в двенадцать, то репетиция, похоже, около часу. Когда приходит – к началу? Или потихоньку прокрасться, когда артисты уже поют? Ладно, разберемся.

Олег Владимирович поднялся, протянул руку. Жест Марину удивил, непривычно. Тем не менее руку она пожала. Ладонь была теплая, сухая. Гладкая, но без женственности. От удовольствия у Марины даже пальцы закололо, и до самого плеча пробежали мурашки.

Он ушел, а Марина осталась сидеть, отходя от потрясения. Сразу отчаянно захотелось еще поесть. Раздумывать не стала: набрала себе выпечки, снова попросила кофе. Что это ей попало такое вкусное, с шоколадом? Марина заглатывала, не разбирая. Отчего эйфория – от сладкого или от приглашения? Столь полное ощущение жизни казалось давно забытым, желанным и окрыляющим. Отряхнула крошки со свитера, подхватила сумочку и упругим шагом вышла из ресторана. За дверями на улице ее приветствовал ясный солнечный свет. Хотелось закружиться на месте, вдохнуть полной грудью, запрокинуть голову и закричать. Нет, запеть.

На сегодня запланировано еще одно гарантированное удовольствие – Русский музей. Сколько времени? Марина вытащила телефон, посмотрела на часы. Точно, сейчас открывается. Хорошо, никуда не надо идти, через площадь – и она на месте. Расскажет Дягилеву о своей удаче.

В Русском музее Марина особенно любила корпус Бенуа. Ходила из-за Сомова, Серова, Коровина. Мечтала, что, будь у нее возможность покупать картины, первым делом забрала бы себе «Зиму. Каток». Большой прямоугольник – как окно в фантастический мир. Небо само по себе сияет ярко-желтым рассеянным светом, такие же желтые перчатки на скамье рядом с кавалером в пунцовых чулках. Вот кто-то упал, катаясь на коньках, хохочет раздумяившаяся дама – руки спрятаны в муфту. Парочка гуляет с собакой.

Марина вошла в кассу первой, купила билет. Пошла прямо в Сомовский зал, встала перед «Катком» и минут десять любовалась, не отрываясь. Потом перевела глаза на портрет Мифа – Мефодия Лукьянова. Тот всю жизнь почти прожил с художником, видно, настоящая любовь была. Сколько раз его лицо появляется на картинах, и не сосчитать. И везде томность, отстраненность, временами – снисходительная улыбка.

Развернулась, пошла, мягко ступая по паркету, к портрету Дягилева с няней. На портрете основатель «Мира искусства» и «Русских балетов» словно чуть недовольный; няня на заднем плане переживает за своего Сережу, и зрителю это сразу видно.

Марина вздохнула, в который раз пожалев, что не живет с ним в одно время. Познакомиться бы, встретиться. Вместе в Венецию рвануть, в Париж! Тут же пришла мысль – одно такое знакомство вчера состоялось. Сколько мечтала хоть поговорить с Маэстро, а тут на репетицию даже пойдет. Нет, жаловаться не на что. Повезло так повезло.

Выйдя из музея, Марина по телефону вызвала такси. Внутри уже начиналась дрожь, подкатывала тревога. Сердце словно поливали из чайника кипятком. Как себя вести, как держаться? Будет Маэстро уделять ей внимание или просто поздоровается, и все? Заметит ее вообще?

Такси подкатило к подъезду – главному, не служебному. Марина, вылезая, повертела головой: нет ли кого знакомого вокруг? Хотелось с кем-нибудь перекинуться парой слов, успокоиться. Хоть бы Петя, что ли, прошел! Но нет, он, наверное, тоже репетирует. Придется заходить.

Охранник на входе посмотрел на Марину рассеянно, спросил, к кому. Она ответила, что Калугин позвал на репетицию. Тот проверил фамилию и кивнул.

– Олеся вас проводит.

Женщина в джинсах и свитере махнула рукой, приглашая за собой.

– Зайдите поздоровайтесь. Я вам покажу гримерную.

Интересно, это так принято, или он специально попросил, чтобы ее к нему привели?

Олеся постучалась в дверь:

– Олег Владимирович, к вам!

Он сидел за столом в выцветшем кресле. На столе – кружка с чаем и какой-то аптечный пузырек.

– Проходите-проходите!

Марина вошла, стесняясь, не зная, что говорить.

– Спасибо большое еще раз, что пригласили. А почему у вас лекарство? Что-то случилось?

– Это валокордин. Для голоса – как ингаляция. Не знали?

– Нет. Помогает?

– Помогает. Но сегодня не потребуется. Звучу!

Марина обрадованно закивала, как будто он бог знает какую прекрасную новость сообщил.

– Здорово. Вы знаете, а я ведь много лет мечтала к вам на репетицию попасть. Ну и познакомиться, само собой.

– Вот познакомилась. Нравлюсь?

– Честно? Очень! Особенно в последнем действии, в мундире.

Марина засмеялась, отвела волосы за ухо. Блеснула бриллиантовая сережка в ярком свете примерных ламп, звякнули тяжелым золотым браслетом часы. Интересно, он заметил? Наверняка привык к дорогим побрякушкам, сам их своим женщинам дарил. Ничего, пусть знает, что она не бродяжка какая-нибудь.

– Тогда приглашаю насладиться еще раз. Вы вечером свободны? Контрамарку я вам оставлю, мундир гарантирован. Ну, и ужин потом, раз уж такое дело. Согласны?

– Олег Владимирович, спасибо огромное, согласна, конечно! Мне очень приятно! Но только вы правильно поймите, я...

– Да ладно вам, успокойтесь! Симпатиями поклонниц я давно не злоупотребляю, даю слово. Да и поклонница вы, кажется, больше Чайковского, чем моя. Правильно?

– Ну, не совсем...

– В любом случае, подумайте и приходите. Буду очень рад. А сейчас пора. Олеся вас посадит в бельэтаже, я предупрежу. Подождите минутку.

Стремительно, несмотря на невысокий рост, Маэстро вышел из гримерки, хлопнув дверью. Марина воспользовалась возможностью, чтобы оглядеться. Шторы раздернуты, за окном – Крюков канал. На подоконнике ноутбук, крышка закрыта. Рядом стопка бумаг, прижатая пепельницей. Это что же, тенор курит? Кто его знает... Вчера вроде ни разу сигареты не достал. На вешалке костюмы, кое-какие узнаваемые: видела его в них на сцене. Плащ Германа из первого действия, темно-серый – вот он. Высокие сапоги на полу.

Вошла без стука Олеся.

– Пойдемте, я покажу, где можно сесть.

Следом за ней по коридорам, застеленным ковровыми дорожками, Марина прошла к сцене. Из-за некоторых дверей раздавались фортепианные аккорды, кто-то распевался – бас или баритон. Пробежала девушка-статистка в белом в обтяжку трико с головы до ног. С лестницы неся какой-то шум, оживленные разговоры. Но в целом впечатление было как летом перед грозой. Вроде солнечно и спокойно, но все вокруг замирает в грозном предчувствии, созревает, собирает силы.

В оркестровой яме уже собирались музыканты, играла скрипка, флейта щебетала что-то свое. Олег Владимирович в джинсах и свитере сидел на стуле посреди сцены, уперев руки в колени, разговаривал с дирижером. Слова до Марины не долетали, хоть и было интересно.

Она пододвинулась поближе к барьеру, обвела взглядом зал. В первых рядах партера сидели люди, много знакомых лиц, Петя в том числе. Хор теснился в кулисах. Дирижер дал знак выходить, хормейстер вывел детскую группу, началось первое действие. Детям дали повторить несколько раз: кому-то делали замечания, кого-то хвалили. Мальчик, командовавший «мушкет пред себя!», посматривал на остальных презрительно. Высокая девочка с недовольным лицом держала в руках запеленатую куклу.

Марина отвлеклась на оркестр: непривычно было видеть музыкантов не в строгих костюмах. На ногах в основном, кеды или кроссовки, скрипач в футболке с Микки-Маусом. Маэстро куда-то пропал в ожидании своего выхода. Собственно, ему репетиции ни к чему. Его Герман, заслуженно, лучший в мире, кого ни спроси. Вот Пете надо отрабатывать Елецкого, меццо-сопрано – Полину.

Дирижер отошел от пульта, и тут Маэстро встал на его место. Взял палочку, хитро оглянулся: поддержит ли розыгрыш оркестр? Взмахнул, и зазвучало ариозо Германа. Дирижер закатил глаза, потом почесал в затылке и наконец все-таки вступил, хоть и с хрипотцой: «Я имени ее не знаю». В зале засмеялись, заплодировали. Маэстро с дирижером шутливо поклонились, и палочка вернулась владельцу.

Началась сцена в спальне Графини, Марины любимая. Потом с Лизой: «О нет, я только поднял пистолет, и старая колдунья вдруг упала...» Маэстро пел в полный голос, не экономя сил. Его фирменный знак, уверенность.

Внутри у Марины все таяло, сердце трепетало и обрывалось. Музыка, казалось, обращалась лично к ней: «Верь, поддавайся, дай тебя убедить!» И Марина верила, поддавалась, уплывала и даже дышала в такт.

Прогнали несколько раз сцену смерти, хор повторял движения по сцене. В конце все вставали за Германом полукругом, а он умирал у них на глазах. Марина опустила голову, лбом уперлась в обитый бархатом барьер. Весь день показался ей сном, причем сон еще не заканчивался. Вечером снова в театр, потом – о боже! – в ресторан. Надо уйти, потихоньку, не прощаясь. Побывать одной, чтобы хоть отчасти вернуть равновесие.

Сразу за дверями служебного входа Марина свернула на набережную, к воде. Оперлась о кованую ограду, закрыла глаза. Шумели рядом, проезжая, машины, доносились до слуха обрывки разговоров. Из окон звучала музыка. Мечта – приблизиться к опере, к театру – начала сбываться. Много лет Марине казалось, что настоящее счастье для нее именно здесь. Со времен развода, почувствовав, что жизнь становится предсказуемой и скучной, она увлеклась оперой всерьез, стала ездить по европейским театрам и фестивалям. Свидания, рестораны, клубы не особенно радовали, хоть ей и нравилось знакомиться. Серьезных романов она заводить не старалась, второй раз замуж не хотела. С мужем остались друзьями, поддерживали отношения. Дочь тогда уже не маленькая была, особенно не терзалась.

Самостоятельная у нее Вика! Уехала в восемнадцать во Францию учиться. Скоро надо будет слетать к ней, навестить. Марина родила ее в двадцать, через год после свадьбы. Сама заканчивала тогда университет. Теперь вот Вика пошла по ее стопам. Учит языки, историю искусства. Хочет работать в музее, уже пробует себя. А может, торговлей антиквариатом займется. Марина ни на минуту не сомневалась, что у дочери все получится. Мозги отличные плюс современные возможности. Интересно, а у Маэстро дети чем занимаются? Надо будет расспросить за ужином сегодня.

Точно, ужин и спектакль, вспыхнула в голове будоражащая мысль. Надо нарядиться, а во что? С собой привезла только простые вещи на один выход. Блузку итальянскую из натурального шелка, строгие брюки. Что делать, покупать? Похоже, придется. Вообще, Марина ничего против не имела. В кои-то веки поход по магазинам показался не бременем, а приключением. Вот только куда ехать? В «Галерею»? В прошлый раз заходили туда с приятельницей,

пижаму ей покупали. Собирались вдвоем устроить пижамный Новый год... Можно заодно сделать укладку, наверняка в торговом центре найдется салон.

Из такси Марина позвонила записаться, повезло – время нашлось, несмотря на выходной. Вроде ни на что с Маэстро не рассчитывала, но хотелось выглядеть на все сто, произвести впечатление. У него рядом красивые женщины всегда были, Марина знала: видела фотографии.

Таксист высадил ее прямо у входа и тут же умчался. Марина зашла в торговый центр, покрутила головой: куда дальше? Логотип знакомого бренда сразу попался на глаза. В России их вещи дороже, конечно, зато показаться не стыдно. Надо идти. Поправила сумку, очки, посмотревшись в стекло витрины. На манекене заметила черное платье с тюлевой юбкой, не особенно броское, но классное – дерзкое. Ей такие вещи нравились. Ремень с голубками как раз подойдет, можно сверху надеть.

Продавщица обрадованно заулыбалась. Других покупателей в магазине не было, и она сразу подала Марине выбранное платье, показала, отнесла в примерочную. Марина подумала, что надо бы померить и другие, но то, черное, так и манило. Как чувствовала – село идеально. Вытащила из брюк ремень, надела поверх. Туфли подойдут, еще колготки нужны. Плотные черные.

Марина вышла из примерочной, покрутилась перед зеркалом. По одобрительному взгляду продавщицы ясно было, что платье ей идет. Она и сама это отлично видела. Увесистые золотые часы смотрелись тоже уместно. Ну что, берем! Расплатилась картой, получила плотный белый фирменный пакет. Взять его в руки было приятно, еще приятнее пройти до салона мимо витрин. Поглядывала на себя с удовольствием, обрадованная нечаянной покупкой. Завернула по пути за колготками, выбрала подходящие.

В салоне витали ароматы дорогих шампуней, но пробивался все равно душок краски для волос. Администратор предложила кофе, Марина не стала отказываться. На блюдечко рядом с чашкой ей положили печенье, и она его с аппетитом съела, чувствуя, что успела проголодаться. По уму, надо бы успеть пообедать до спектакля, но от нервов Марина об этом совсем забыла.

Постаралась расслабиться, пока мастер мыл ей волосы. Согласилась даже на массаж головы, лишь бы посидеть еще с закрытыми глазами. Попросила сделать небрежные кудри, получилось удачно: небрежно в меру, сразу видно, что над волосами специально поколдовали. Не поскупившись на чаевые, Марина распрощалась и опять на такси вернулась в отель.

Отдала платье горничной, попросив отпарить. Заказала в номер обед: салат, рыбу, бокал белого вина. Села за стол перед окном в одном белье, развалилась непозволительно. Ничего, в одиночестве можно. И так приходится все время держать спину, держать живот, держать лицо. В двадцать об этом думаешь реже, но в ее годы приходится – постоянно. Иначе самой противно, чувствуешь себя размазней.

Стрелка на часах неумолимо подползала к шести, скоро надо будет одеваться. Горничная принесла отпаренное платье на плечиках, повесила на дверцу гардероба. Марина еще любовалась покупкой: удача, ничего не скажешь. Надела: трикотажный верх, похожий на длинную широкую футболку, сделал фигуру стройной, почти мальчишеской. Перетянула ремнем, поправила тюлевый подол. Панк в лучшем варианте. Дочь бы одобрила.

Проверила сумочку: телефон, кредитки, права (хотя они-то сейчас зачем нужны?). Краситься особенно не собиралась: только ровный тон, чуток румян, помада и тушь. Закрыла помаду крышечкой – черной матовой, с красными полосками – и положила с собой. Побрызгалась духами, бросила в зеркало последний оценивающий взгляд и осталась полностью довольна. Не красавица, но хороша. Сама себя не похвалишь, и никто не похвалит.

Бесшумно пройдя по мягкому ковру в коридоре, Марина села в лифт, спустилась в лобби, собираясь вызывать такси, но ее уже ждал сюрприз: Руслан, шофер, двинулся к ней навстречу.

– Добрый вечер! Олег Владимирович попросил заехать за вами. Вы готовы?

Ну надо же! Вот так предупредительность... А если бы она прямо из торгового центра собралась в театр, или из ресторана, как бы он ее нашел? Хотя неудивительно, что девушку в театр забирают из отеля: гарантированно захочет приодеться и привести себя в порядок.

Марина кивнула:

– Да, можем отправляться.

Вышла следом за Русланом из подъезда, он открыл перед ней дверь, и она погрузилась в уютное нутро просторного «Мерседеса». В салоне едва заметно пахло знакомым парфюмом. Точно, это Маэстро. Рядом с ним Марина запаха почти не ощущала, но сейчас узнала сразу. Шофер завел двигатель, включилась аудиосистема, и заиграла фортепианная соната – Рахманинов.

Марине пришла в голову мысль:

– Руслан, можно вас попросить? Поставьте Олега Владимировича, пожалуйста! У вас же есть?

– Есть. А вам что именно?

– Можно «Турандот»?

Обожаемая ария Калафа зазвучала из колонок, и, погрузившись в бархат знакомого темного тембра, Марина сказала себе, что на все согласна и все, что дальше случится, будет прекрасно и удивительно.

Глава 3

*Как ты решил, пусть так и будет,
Ведь я – твоя раба.*

*М. Чайковский,
либретто к опере «Пиковая дама»*

Марина вступила в гостеприимно распахнувшиеся перед ней двери театра, свернула направо, к кассам.

– Мне должны были оставить контрамарку. На фамилию Голубева.

– Да, есть.

Кассир подняла глаза, посмотрела Марине в лицо.

– От Олега Владимировича, правильно?

– Правильно.

– Подойдите к капельдинеру, вас посадят. Приятного вечера!

Марина кивнула, забрала листок, прошла через контроль. Поднялась в буфет с белыми диванами и панорамным остеклением, выглянула на улицу. Группками стояли у входа люди: все нарядные в основном, разве что туристы в кроссовках и джинсах. Порадовалась про себя, что купила платье и сделала укладку. Ощущение собственной привлекательности грело душу, подкупало: да, ты красивая, все получится у тебя.

Тем временем прозвенел второй звонок, публика начала стекаться к дверям зала.

Марина подошла к капельдинеру, протянула свою контрамарку.

– Пойдемте, я вас провожу.

Посадили ее снова в первом ряду, ближе к центру. Хорошо было бы оказаться в ложе, но на новой сцене лож нет. Хотя и мечталось давно: сидеть в ложе одной, слушать Маэстро, расслабляться под оркестр. Жевать шоколадку – и желательно, чтобы он ее дал!

От этой мысли Марина рассмеялась вполголоса, потрянула головой, лишний раз вспомнив, какая чудесная у нее укладка.

Раздался третий звонок, шум в зале стих. Марина спешно полезла за телефоном, проверила, выключен ли звук. Выключен, точно. Она уже не смотрела ни на дирижера, ни на оркестр, трепеща в предвкушении начала. Что за музыка! В увертюре, по сути, раскрывается весь сюжет: и история про Графиню, и ее характер – грозная, мстительная старуха, – и незадачливая любовь Германа к Лизе.

Занавес поехал в стороны, и началась та самая детская сцена, которую Марина видела на репетиции. Мальчик с ружьем держал все то же презрительное выражение лица, девочка с куклой, наоборот, изо всех сил улыбалась. Заходили по кругу их нянюшки, ближе к заднику – светская публика, одетая пышней и дороже.

Троица знакомых уже вспоминала Германа: «Какой он странный человек! Как будто у него на сердце злодейств по крайней мере три...» И появился Маэстро, в цилиндре и сером плаще. «Как демон ада мрачен, бледен...»

Марина вцепилась в него глазами, стараясь рассмотреть все до малейшей детали: высокий лоб, хмурые глаза, безвольно висящие руки. «Как, ты влюблен? В кого?...» И когда зазвучало, уже в исполнении Маэстро, «Я имени ее не знаю», Марина как будто улетела куда-то, потому что голос его казался физическим прикосновением.

Когда прозвучали последние аккорды и Герман признался Лизе в любви, зажегся опять свет в зале и публика стала выходить на антракт, Марине с трудом удалось подняться на ноги. В полной уверенности, что побывала сейчас и у решетки Летнего сада, и под грозовым дождем,

и у Лизы в спальне, Марина не могла просто так взять и отправиться в буфет или на перекур. Волшебство захватило настолько, что кружилась голова и в глазах мелькали искры.

Но тут подошла капельдинер – та самая, которая устраивала ее в первый ряд.

– Вы хотите зайти в гримерную? Олег Владимирович сказал, вам можно.

Марина молча, все еще не решаясь заговорить, кивнула.

Через служебные двери капельдинер привела ее в знакомый коридор, и Марина сама постучала в гримерку.

– Да!

– Олег Владимирович, это Марина.

– Входите.

Он стоял у окна, перед раскрытой форточкой, с сигаретой в руке.

– Закрывайте дверь скорее! Не хватало, чтобы дыма натянуло! В театре нельзя курить!

Марина торопливо захлопнула дверь за собой, извинилась. Маэстро был по-прежнему в костюме Германа: белой блузе с галстуком-бантом, сером жилете, черных в обтяжку брюках и сапогах до колен.

– Я не знала, что вы курите, – вопросительно сказала Марина.

– Редко. Когда настроение плохое. Или очень хорошее, – добавил он, подмигнув.

– А мне можно с вами?

– Давайте.

Олег Владимирович протянул ей свою пачку, и Марина, обрадованная, взяла сигарету у него, хотя в сумочке лежали свои и красивая серебряная зажигалка. Ее она тоже доставать не стала, рассчитывая, что Маэстро даст прикурить. Он действительно взял с подоконника потертую «Зиппо», чиркнул, и в гримерке, кроме дыма, запахло еще и бензином. Марина поднесла сигарету к огню, наслаждаясь близостью его руки, с удовольствием глубоко затянулась.

Посмотрела Маэстро в глаза:

– Я никогда не слышала, чтобы Германа кто-то так пел! Вы потрясающий. Сегодня просто фейерверк!

– Думаете? Я, пожалуй, согласен. День хороший, да я еще и распелся от души. Связки к влажности адаптировались. Вчера все-таки не то было. Заметили?

– Честно? Нет. Совсем нет. Но сегодня я как будто в сказке. У меня даже голова закружилась в конце, еле с кресла встала.

– Боже, не хватало мне еще в зале чувствительных барышень с обмороками! Давайте, курите. Мне обычно помогает.

– Мне тоже, – кивнула Марина, присаживаясь на подоконник с ним рядом. Маэстро так и остался стоять, но не отстранился, хоть они и оказались совсем близко. Потер шею сзади рукой:

– Воротник этот дурацкий, еще и с бантом! Ладно, хоть не мундир, он вообще как картонный, еле шевелишься в нем. Меня сейчас переодевать придут, не пугайтесь.

И действительно, в следующую секунду в гримерку постучали:

– Олег Владимирович, костюмер! Можно к вам?

– Заходите.

Вошла девушка с еще одной точно такой же рубашкой. Кинула на Марину недовольный взгляд:

– Добрый вечер! Олег Владимирович, вы готовы?

– Минуту! Марина, – повернулся он к ней, – извините, мне пора. Вы как насчет ужина после спектакля? Встречаемся у служебного входа?

– Да, конечно. Я вас подожду.

– Я бы вас сюда пригласил, но мне грим надо будет снять. Это быстро, не беспокойтесь.

– Я поняла.

– И еще – у вас любимые места в Петербурге есть? Я тут вечно налетом, никуда особенно не хожу. Ем в гостинице или в театре в столовой. Так что закажите где-нибудь столик, на ваш вкус. Вы не против?

– Нет, само собой. Закажу.

Марина затушила в пепельнице сигарету, а Маэстро затынулся в последний раз и щелчком отправил окурок в форточку. Костюмер уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу:

– Олег Владимирович, пора!

Марина еще раз кивнула на прощание, развернулась и вышла в коридор. Костюмер уже стаскивала с Маэстро рубашку; он, морщась, отстранил ее руки и потянул воротник через голову сам. Мелькнула загорелая спина, дверь захлопнулась. Капельдинер помахала из другого конца коридора рукой, показала Марине, как выйти на лестницу.

Спустившись в фойе первого этажа, Марина вытащила телефон и искала в интернете сайт любимого ресторана. Ага, вот он, можно звонить. Интересно, остались ли столики еще, все-таки вечер субботы...

– На сегодня? Подождите, я посмотрю, – ответила любезная девушка на том конце.

– Простите, все занято. Могу предложить столик в баре, у нас общая кухня.

– А в зале никак не получится? Понимаете, я буду с одним человеком... очень известным... это оперный певец, Калугин. Он редко в Петербурге выступает, сегодня вот поет в Мариинском. Может быть, вы как-то поможете?

– Даже не знаю... Хорошо, не кладите трубку.

До Марины донеслись обрывки разговора, потом заиграла музыка – линию поставили на удержание. Нетерпеливо притопывая ногой, Марина оглядывала фойе: вот-вот будет третий звонок.

– Алло, вы слушаете? Найдём столик для вас, приходите. Во сколько?

– В одиннадцать, на двоих. На имя Марина.

– Хорошо, ждем вас. На всякий случай оставите ваш телефон?

Марина продиктовала номер, девушка записала и отключилась. Пора в зал, надо торопиться.

Оркестр перед вторым действием приветствовали громче обычного. Дирижер поклонился несколько раз, поднял музыкантов, они поклонились тоже. Олег Владимирович снова блистал: умолял Графиню открыть ему три карты так, словно от этого действительно вся его жизнь зависит. Потом читал в казарме, на железной койке, письмо Лизы, искренне страдая: «Бедняжка, в какую пропасть я завлек ее с собою...» Когда Графиня – призрак – появилась у него за спиной, лицо Маэстро искажил такой неподдельный ужас, что у Марины сжалось сердце. Пел он по-прежнему блистательно, весь зал сидел словно зачарованный. Соседей Марина даже не замечала, хотя все места были заняты, зал полон.

В последней картине, когда звучит знаменитое «Что наша жизнь? Игра!», Марине показалось, что Маэстро смотрит прямо ей в глаза. Это ей он говорит: «Ловите миг удачи». Конечно, такую удачу она не упустит ни за что! И словно цветок, огромный пунцовый пион, расцветала у нее внутри тяга, мощная и непреодолимая, к этому мужчине, казавшемуся на сцене таким властным, величественным, что забывались и малый рост, и незначительная внешность.

Аплодисменты были долгими. «Пиковую даму» давали в серии последний раз, Маэстро уезжал. Многие кричали «браво», заставляя его кланяться еще и еще. Он по-прежнему старался скорей отойти к заднику, выставлял вперед себя дирижера или сопрано. Выводил за ручку Графиню, театрального ветерана, чтобы ей похлопали подольше. Она с достоинством кивала публике, тяжеловесно опираясь на подставленный Олегом Владимировичем локоть.

Наконец занавес закрылся, и Марина поспешила на улицу. Перед выходом взглянула на себя в большое зеркало в гардеробе, поправила платье, хоть в этом и не было нужды: сидело оно идеально. Растрепала немного кудри, тронула губы помадой.

Перед подъездом в этот раз было многолюдно. Несколько человек стояло с цветами, кто-то даже корзину принес. Тоже не захотели через капельдинеров передавать, чтобы вручить лично. Первым вышла сопрано, львиная доля букетов досталась ей. Она, довольная, собирала цветы, давала автографы. Выглядела отлично, подтянутой и стройной. Все-таки сцена крупнит: вечно журналисты ругают ее за полноту, а в жизни красивая девушка. Вот Маэстро этот эффект на пользу, добавляет роста. Полным его не назовешь, просто основательный сибирский дядька.

Появился Петя, кивнул Марине понимающе: знает, наверное, кого она тут дожидается. Маэстро вышел следом: снова в синей куртке, но уже без шарфа и зонта. Покрутил головой, высматривая ее. Марина сделала шаг навстречу, против воли преувеличенно широко улыбаясь. Неужели правда она встречается с ним, идет в ресторан? Неужели всерьез у них теперь знакомство? Что будет дальше: обменяются ли телефонами, контактами? Последует продолжение или все закончится сегодня?

Не успев додумать последнюю страшную мысль, Марина подхватила Маэстро под предложенный вежливо локоть.

– И куда мы отправимся? – обратился к ней он. – Руслан нас подбросит, потом отпустим его. Командуйте!

Маэстро подвел ее к «Мерседесу», помотал головой шоферу, собравшемуся открывать перед Мариной дверцу, и усадил ее сам.

– Руслан, нам на Бакунина. В «Италию», знаете?

– Секундочку!

Шофер глянул в навигатор, пристегнулся и завел мотор. Олег Владимирович откинулся на спинку сиденья, с облегчением вздохнул.

– Устал как черт!

– Но пели вы божественно! А как публика принимала! Кстати, а букеты, которые в гримерку приносят: вы их что, с собой не забираете?

– Да обычно нет. Дарю сопрано. Сегодня вот Графине отдал. Семьдесят восемь лет, а все работает! Голос, конечно, достойный, но сил это у нее отнимает, страшно подумать сколько. Хочет на сцене умереть. Решил порадовать.

– А Лизе подарили?

– Ей от дирижера все переходит. Его вообще цветы раздражают. Сразу говорит, солисткам передавать или капельдинерам.

– А мой букет вчера вы куда дели? В машине оставили?

– Честно, не помню. Извините уж!

Руслан обернулся:

– Я их портгье в гостинице отдал. Сказал, чтобы поставили вам в номер.

– Ну, значит, там и стоят.

Машина тем временем притормозила на перекрестке Бакунина и Второй Советской.

– Руслан, давайте мы здесь выйдем! Я еще покурить хотела. Вы не против? – обернулась Марина к Маэстро.

– Нет, идемте. Я тоже не откажусь.

Вдвоем они встали у ограды скверика, и Олег Владимирович снова протянул Марине свою пачку.

– Угощайтесь!

Прикурили, и он заметил, пожимая плечами:

– На кой черт было запрещать курить в ресторанах? Разделили залы, и все, нет проблем. У французов все проще решается: на юге столики на улицах круглый год, все с сигаретами...

– А вы давно во Франции живете?

– Уже лет двадцать. Ферму купил в глуши: кругом поля, персики зреют. Французы их на шпалерах выращивают. Такая красота, когда они цветут! И ароматы! Но главное – народу

мало. Рядом деревня, можно дойти пешком: там и булочная, и ресторан. Я бассейн выкопал. Дети еще маленькие были, хотел порадовать. Вечно я и детей своих, и женщин балую!

– У вас же дочери, да? Сколько им?

– Старшей двадцать четыре. Кстати, в Петербурге учится, поет. Говорил ей: опера для женщины – гиблое дело, а она – нет, хочу! Ну, раз хочет... Младшая в Университете в Болонье. Ей двадцать два. Может, пойдем уже сядем?

Маэстро выкинул в мусорку окурок и, не дожидаясь Марины, направился к ресторану. Расстроился, наверное, от воспоминаний. А может, стоять устал. Марина его обогнала, чтобы войти первой, и он придержал перед ней дверь.

– Добрый вечер, – обратилась Марина к девушке при входе, – у меня на одиннадцать заказ, на имя Марина.

Девушка полистала толстую тетрадь с исчерканными страницами. Подняла голову, приоткрыла глаза к Маэстро и, похоже, узнала. Действительно, афиши же на каждом шагу. А может, тоже поклонница оперы. Это Петербург все-таки. Наклонилась к ним поближе и сказала тихонько:

– Я вас могу на диваны посадить, хотите? Только что место освободилось.

Марина обрадовалась: столик с двумя диванами по сторонам очень ей нравился.

– Хотим? – обернулась к Олегу Владимировичу.

– Давайте.

Следом за девушкой они прошли через первый зал, набитый до отказа, и уселись во втором, с «Веспой» в витрине и приглушенным освещением. Тут тоже было немало народу, но хотя бы толкаться не приходилось. Марина сняла сумку, положила на диван и уселась, удобно опершись о подлокотник. Маэстро со вздохом облегчения опустил на подушки. Конечно, человек три часа на сцене отработал, без сил, наверное.

– закажете сначала напитки?

Это официант, пробегая мимо, спросил с итальянским акцентом. Марина и раньше знала, что в ресторан нанимают экспатов: студентов, например. Для придания колорита.

– Вы что любите? – спросил Маэстро, повернувшись к ней.

– «Хьюго». Знаете?

– Нет. Что это, коктейль?

– Ну да. «Сен-Жермен», просекко, содовая. Мята и лайм. Мне очень нравится.

– Хорошо, тогда даме «Хьюго», а мне белое вино. Пино гриджо есть у вас?

– Конечно. Одну минутку.

Маэстро осмотрелся:

– Часто бываете здесь?

– Когда приезжаю, обязательно захожу. Мне нравится. Почти Италия.

– Любите Европу?

– Ну, не всю. Италию конкретно. Францию меньше.

– Почему?

– Французы противные. Хотя, конечно, когда на французском начинаешь говорить, оттаивают. Думают, наверное: «Вот, дурочка, старается».

Марина рассмеялась, но Маэстро не поддержал.

– А вы знаете французский?

– Да. И в школе учила, и в институте. Я филолог по образованию.

– И занимаетесь переводами?

– Сейчас да. Хочется свободный график.

– У меня вроде бы свободный, а я вот занят все время, – поморщился он. – Продохнуть некогда. Правда, летом стараюсь хотя бы недельку урвать. После фестиваля в Экс-ан-Провансе.

– Ой, а вы в Экс едете? Программу-то еще не опубликовали, я не знаю.

– Еду. Опять Германа пою. Какую-то постановку затеяли оригинальную, боюсь себе представить. Даже репетиций не было еще. На фестивалях всегда вводишься в последнюю минуту, трясешься потом, как из зала будет смотреться. Драматургию побоку, запомнить бы, в какую кулису выходить.

Олег Владимирович обреченно вздохнул.

– Вы же в «Пиковой даме» как рыба в воде! – воскликнула Марина. – Эту партию никто и не знает так, как вы...

– Что правда, то правда... Но эти режиссеры как напридумывают... Мне тут предлагали: Графиня в ванне сидит, а я на нее водичкой брызгаю, пока уговариваю карты назвать. Как так можно? И это еще не самое выдающееся.

– А вам вообще ваша работа нравится?

– Нравится, конечно. Просто сегодня устал, вот и ворчу. Я ж старый, шестьдесят два года. Пока голос не подводит, но все к тому идет. Контракты на десять лет вперед уже не заключаю. Зовут, я отказываюсь. Посмотрим, как будет.

Маэстро заметил в проходе официанта, взялся за меню.

– Чем тут кормят? Пастой, наверное?

– И пастой тоже, – кивнула Марина. – Еще салаты хорошие, и сыры. Как вы к итальянской кухне вообще относитесь?

– Положительно. Французская надоела. Две ложки того, одна сего – вот вам и обед. Я так не привык. Вон у нас в столовой в Мариинке рассольник варят – это еда. Или домашние котлеты. Таких во Франции не делают.

Официант как раз принес напитки. Поставил перед Мариной высокий стакан, полный мяты и кубиков льда. Лед еще не начал таять, и коктейль был насыщенного золотистого цвета. Маэстро, в запотевшем ведерке, бутылку вина; бокалы для обоих, на всякий случай.

– Готовы заказывать?

– Так, давайте-ка нам сыры, оливки, ассорти салями, фокаччу, – начал Олег Владимирович. – Салат – Марина, вы какой будете?

– С пармой.

– Тогда два с пармой. Горячее позже.

– Вода нужна? С газом, без газа? – спросил официант.

– Да нет, спасибо. Сегодня пьем только алкоголь, – махнул Маэстро рукой.

Официант обернул бутылку салфеткой, налил вина ему в бокал. Маэстро отпил, кивнул одобритительно.

– Спасибо!

Парень убежал, и Олег Владимирович перевел взгляд на Марину.

– За знакомство? Спасибо, что составили компанию. С театральными куда уже не хочется. Целый день глаза друг другу мозолим.

– Это вам спасибо! Я и не думала, что можно вот так познакомиться... Столько вас слушала, не представляете даже!

– Тогда чин-чин!

Маэстро аккуратно тронул ее бокал своим, сделал щедрый глоток.

– Правда отличное вино! Простенькое, но вкусное. Будете пробовать?

– Может быть, потом. А вы мой «Хьюго»? – осмелела Марина.

– Понюхаю только. Пахнет чем-то знакомым.

– Крапивой! То есть мне так кажется.

– Точно, крапивой. Это как же?

– Там бузиновый ликер. Наверное, от него.

Марина потянула свой коктейль через трубочку: пузырьки содовой побежали вверх, цепляясь за листики мяты. Ледышки позвякивали, стоило тронуть стакан. Опынение пока не ощу-

щалось, хоть Марина и знала, что оно не заставит себя ждать. Собственно, ей уже и хотелось его почувствовать, расслабиться немного. Напряжение от общения с незнакомым, по сути, человеком, который к тому же очень ей нравился, начинало утомлять.

На столе появились сыры, ароматная фокачча, блюдо с оливками. Маэстро допивал следующий бокал вина.

– Кстати, мы про французский с вами говорили: вы на нем свободно общаетесь?

– Да, конечно. Я училась в Швейцарии. Во Францию ездила работать не раз.

– А еще знаете языки?

– Английский и итальянский. А вы?

– На французском разговариваю, конечно, но не сказать, что знаю в совершенстве. Итальянский неплохо, английский хуже. Мне тут на немецком предлагали петь. Вагнера. Отказался: мне и нынешнего репертуара на пятьдесят лет вперед хватит. Если понадобится.

Принесли салаты, и Марина набросилась на свой, словно неделю не ела. От коктейля, наверное, навалился голод. Официант спросил, не повторить ли ей «Хьюго», но тут Олег Владимирович вмешался:

– А может, выпьете винца со мной?

Марина согласилась, конечно. Вино и правда очень подходило к итальянской немудреной еде. Но самое приятное, что Маэстро сам подливал и ей, и себе. Теперь она чувствовала, что пьянеет. Случайно глянула в зеркало на стене: щеки уже розовые, глаза блестят. Но это ее скорее красит.

В целом оставшись собой довольна, Марина предложила выйти на перекур. Маэстро взял было с вешалки куртку, потом пожал плечами и вернул обратно.

– Там же тепло?

Возле выхода обратился к официанту, попросив еще бутылку вина. Похоже, и он сегодня не собирался останавливаться. Вот и хорошо!

«Поедем из ресторана в караоке дуэтом петь», – едва не пошутила Марина, но потом все-таки сдержалась.

Встали они перед окнами ресторана, в свете неоновых вывесок. На лицо Маэстро падали разноцветные блики, и снова казалось, что он на сцене, лицедействует и колдует. Марина, подпав под очарование момента, притихла.

– Расскажите про вашу дочь, – первым прервал молчание он. – Вы говорили, она во Франции, а где именно?

– Учится в Ницце. Сейчас устроилась на лето подрабатывать к знакомым, в антикварный магазин. Планирует сама торговлей антиквариатом заняться. Но она маленькая еще, передумает, наверное. Хотя толковая. Хозяева говорят, у нее получается.

– Ездите к ней? Или она сюда прилетает?

– Нет, я езжу. Она же занята, да и мне повод прокатиться.

– И как вы с документами разбираетесь? У нее вид на жительство?

– Да, студенческий.

– А у вас? Чтобы к ней ездить?

– У меня виза на пять лет. Кстати, только открыла новую.

– И часто получается вырываться?

– Раз в два месяца примерно. На неделю-две. Иногда надолго приезжаю, там работаю. Бывают интересные предложения.

– Например?

– Выставки сопровождать. С художниками договариваться, с разными фондами. С начальством городским.

– И как вам такая работа?

– Здорово. Каждый раз что-то новое. И для дочери практика, она мне помогает.

– Похоже, с мамой ей повезло.

– И с папой тоже. Он очень заботится о ней.

– Вы с мужем поддерживаете отношения?

– Конечно. Мы же не ссорились, не ругались. Расстались друзьями, вместе воспитываем Вику. Хотя она взрослая уже.

При мысли о дочери у Марины потеплело на сердце. Наверное, от Маэстро это не укрылось: он ласково тронул ее за руку.

– Любите дочь, да?

– Очень.

– И я своих. Каждый раз волнуюсь, когда у них что-нибудь не ладится. Старшая, которая в оперу подалась, жалуется, бывает: пап, ну почему это, почему то... Не хочется говорить «я же предупреждал», а что делать! У нас в профессии женщинам нужна крокодильях хватка и внешность, как у Моника Беллуччи. Особенно теперь, когда такая конкуренция. Сами понимаете, опера – искусство убыточное. Денег ест много, а приносит пшик.

– Зато сколько удовольствия! Для зрителей, я имею в виду.

– Да для певцов тоже. Просто, когда начинаешь, все силы уходят на борьбу. А ты-то думал, что будешь творить! Замерзли? – внезапно перескочил он на другую тему. – Идем внутрь?

Снова оказавшись на диване за столиком, Марина поняла, что вечерняя прохлада разогнала ту легкую эйфорию, которая ощущалась поначалу. Маэстро подлил ей вина, себе добавил тоже.

– Может быть, за детей? Пусть будут счастливы!

– Да, за дочек! – подняла Марина свой бокал.

На середине второй бутылки заказали горячее: мясо, креветки. Марине стало весело, легко на душе. Олег Владимирович, не стесняясь, с аппетитом, ел, она не отставала. Покончив со второй бутылкой вина, решили переходить на коньяк. Марина, правда, пила его со льдом, дожидаясь, пока тот немного подтает. Маэстро смеялся, рассказывал какие-то истории с недавних репетиций. Как в Барселоне баритон-Гремин перепутал в «Евгении Онегине» текст и мел: «Так я женат?» А Онегин, ошалевший, отвечал экспромтом: «Уж около двух лет». Или как известному басу-обжоре вместо муляжа курицы подкинули на тарелку настоящую, жареную, и она, вся жирная, выскользнула у него из рук, а он ловил.

Чтобы не гонять за коньяком всякий раз официанта, нарушая их междусобойчик, Олег Владимирович попросил оставить бутылку на столе. Вместе с ней им принесли еще льда, сыр и печенье. Перевалило за полночь, но народ и не думал расходиться. Наоборот, появлялись еще люди, устраивались по пять человек за столик на троих, заказывали вино и пиццу, пировали.

Марине захотелось пойти куда-нибудь погулять – уже начинался лихой зазор, подкатывало ощущение свободы.

– Может, в бар куда-нибудь на Рубинштейна? – не думая, спросила она.

– Давайте! В кои-то веки не надо завтра утром по будильнику вставать.

Марина сама удивилась, как легко Маэстро согласился. Почему-то казалось, что он начнет отнекиваться, скажет, что устал, но нет: сразу поднялся на ноги, набросил куртку.

– Минутку подождете?

Он отошел к бару, расплатился картой. Марина тем временем вызвала такси.

На Рубинштейна попросили шофера ехать медленнее – хотели присмотреться и выбрать бар, куда захочется зайти. Вылезли, заглянули в один, другой. Везде шум, у дверей толпятся люди. Заметили, как компания встала из-за столика у окна, и поспешили его занять. Марине хотелось еще коктейля, хотя, наверное, после коньяка это было некстати. Олег Владимирович заказал виски. Он, казалось, нисколько не опьянел. Марина, расхрабрившись, спросила, почему жена не приехала в этот раз в Петербург с ним.

– Она у меня сопрано. Позвали в Америку мастер-классы давать. От такой возможности не отказываются. Отпустил ее скрепя сердце. Все-таки она моложе, должна расти. Какой смысл кататься со мной? Я в целом справляюсь. Хотя удобнее, когда она за секретаря. Пока что все мои контракты на ней. Если останется в Штатах, будем что-то думать.

– А она может надолго задержаться?

– На год-два. Я не препятствую. Пусть сама решает. Понимаете, сделал я когда-то ошибку с первой женой. Пытался при себе держать, ревновал, скандалы устраивал. Она европейка, другая совсем культура. Не потерпела. Так и развелись. Дочери жили на два дома, хорошего мало. Теперь я старше стал, может, чуток и умнее. Стараюсь больше не давить. Тем более что сам постоянно в разъездах. По сути, нет у меня права женщин упрекать.

Где-то над стойкой бара лопнула с громким хлопком лампочка. Свет погас, Марина испуганно заозиралась.

– Не волнуйтесь, сейчас включат.

В темноте Олег Владимирович положил ладонь ей на руку, вроде как успокаивая, и Марина, воспользовавшись возможностью, вцепилась в нее изо всех сил.

– Ну что вы, честное слово! – усмехнулся он.

Взял второй рукой за локоть, ласково потрепал. Марина уткнулась лицом ему в плечо, молясь про себя, чтобы свет подольше не зажигался. Официанты начали разносить свечки, ставить на столы. Сразу пришла на ум только что виденная сцена из оперы, где Герман рассматривает при свече Графинин портрет. «Какой-то тайной силой я с нею связан роком...» Вот так Марина чувствовала себя сейчас: под властью тайной силы. Рок, наверное, слово слишком пафосное.

Руку Маэстро пришлось отпустить, держаться дальше было неудобно. Виски он уже допил, Марина разделалась с коктейлем. Кому-то из кухни вынесли торт: в темноте брызгали в разные стороны фонтанчики бенгальских огней. Гости запели нестройно «с днем рождения тебя». Олег Владимирович повернулся посмотреть, и Марина, немного обидевшись, заявила:

– А у меня день рождения в июле. Когда в Эксе фестиваль. Буду праздновать там.

– Серьезно? – живо откликнулся Маэстро. – Прилетите послушать?

– Ну конечно! Вместе с дочкой придем.

– А где вы во Франции обычно останавливаетесь?

– Снимаю дом. Стараюсь с бассейном, чтобы Вика тоже отдохнула. Ездим с ней по городкам, по ресторанам. Она у меня молодец, хочется побаловать ее.

– Тогда свяжитесь со мной заранее, ладно? Вот, держите визитку.

Маэстро покопался во внутреннем кармане куртки, достал визитку и протянул Марине. Она глянула: электронный адрес и телефон.

– И вы возьмите мою.

Визитки Марине заказывало издательство, и адрес там был рабочий.

– У вас ручки не найдется?

– Есть. Всегда ношу с собой. Автографы-то просят, а ручки ни у кого нет.

Олег Владимирович подал ей ручку, и Марина подписала свой личный мейл и номер мобильного.

– Теперь не потеряемся, – взял карточку Маэстро. – Чем хотите дальше заняться? Может, погуляем?

С этими словами он положил руку на спинку ее стула и наклонился почти к самому лицу, Марина даже застеснялась.

– Да, пойдёмте.

– Тогда надо на дорожку запастись.

...И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин
Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.

Глава 4

*Я только мог спокойно жить,
Пока во мне дремали страсти.
М. Чайковский,
либретто к опере «Пиковая дама»*

Сидя утром перед самолетом в аэропорту, Марина вспоминала вчерашний вечер и удивлялась себе. Похоже, помнила она не все: четко только до того момента, как они вызвали от дома Зингера такси и поехали на Петроградку. Виски сделал свое дело, и в машине они просили ставить любимую музыку, а водитель говорил, что такое по радио не поймает.

Вернувшись в отель, разошлись по номерам, хотя Марина и ожидала приглашения... хотя бы на кофе. Но нет, Маэстро вежливо раскланялся, высадил ее из лифта и поехал в свой люкс. За завтраком она надеялась встретиться с Олегом Владимировичем еще раз, но в ресторане его не оказалось. Пришлось уезжать, не попрощавшись. Не подниматься же к нему самой.

Ощущение незавершенности не отпускало, и Марина, промучившись в самолете и добравшись наконец до дома, первым делом полезла в интернет смотреть программу летнего фестиваля в Экс-ан-Провансе.

Действительно, вот она: «Пиковая дама» в постановке модного европейского режиссера. Состав артистов еще не объявлен, но, раз Маэстро подписал контракт, можно бронировать билеты. Марина позвонила дочери узнать, какие у нее планы на середину июля. Хорошо будет пойти на оперу вдвоем.

Вика не брала трубку, и она, на свой страх и риск, купила два билета в первый ряд. Если что, еще будет время сдать.

Вопрос, чем занять месяц до предстоящей поездки, у нее не стоял. Работы накопилось достаточно, да и с друзьями уже назначено несколько встреч. Бывший муж собирался устроить за городом пикник, Марину, как обычно, пригласил тоже. Друзья после развода у них остались общие, отношения ни с кем не испортились. Бизнес, который они после университета начинали вдвоем, Игорь взялся вести сам, но с ее участием в прибыли. При расставании разделились так: мужу – дом, ей – квартиру. Просторные апартаменты на юго-западе Москвы они покупали вместе; дочери тогда исполнилось три года, и стало ясно, что пора расширяться. Дом построили позже, когда бизнес начал приносить доход. С появлением непривычно больших денег Марина решила сбавить обороты. Нужды сидеть за компьютером целыми днями и мотаться по командировкам больше не было. С Викторией, уже школьницей, они ходили по театрам, тренировались вместе в спортзале. Потом та готовилась в институт, и Марина покорно возила ее к репетиторам и на встречи с друзьями. Не успела заметить, как у дочери появились собственные права, и муж купил ей первую машину...

Примерно в то же время, освободившись от домашних забот, Марина начала понимать, что вдвоем они время практически не проводят. Игорь пропадал на работе, и ему это, похоже, нравилось. Знать о том, есть ли у него кто, Марина не хотела. Просто предложила пожить какое-то время отдельно, и он согласился. Как ни удивительно, ей, привыкшей к роли хозяйки и жены, самостоятельная жизнь очень понравилась.

Вика улетела во Францию учиться и собиралась там же осесть. Мечтала, как заберет родителей к себе. Игорь в ответ только смеялся, а Марина была не против. Вполне допускала для себя возможность перебраться куда-нибудь в Европу. Продать недвижимость в Москве, купить на французском юге. Денег Игорь на них не жалел, считать Марине не приходилось. Прибыль их бизнес приносил стабильно.

Да и сама она, расправив крылья, поняла, что может неплохо себя содержать. Через знакомых поступали предложения: помочь с организацией выставки или с выходом книги. Провести переговоры, договориться во Франции о покупке жилья. Марина охотно бралась за дело, получала весомые гонорары. Переводила для нескольких издательств литературу по искусствоведению и архитектуре. Считалась хорошим специалистом.

Больше всего в новой жизни радовала ее возможность сорваться в любой момент, уехать, улететь. Но и возвращаться домой Марина любила. Оставшись в квартире одна, переделала ее по своему вкусу, объединив пространство и выделив только спальню. У панорамного окна поставила себе длинный стол с компьютером, организовала рабочее место. Белоснежная кухня-гостиная сверкала чистотой – готовила Марина редко. Пользовалась разве что тостером и кофемашинкой, предпочитая есть в ресторанах. В холодильнике хранила фрукты и сыр, охлаждала вино на случай, если заглянут гости.

В подземном гараже, куда можно спуститься на лифте, дожидалась любимая машина. Три дня не была в спортзале, пора. Марина даже чемодан не стала разбирать: побросала в рюкзак форму, кроссовки, бутылку для воды и уехала на тренировку.

Спортом она тоже начала заниматься не так давно. Раньше худеть не приходилось, за всеми делами надо было напоминать себе поесть. О здоровье тоже как-то не задумывалась: ничего вроде не беспокоило. Но вдруг стало тяжелей подниматься по лестнице, не застегнулся на привычную дырку ремень, и Марина поняла – пора. Абонементы в спортзал она и раньше им с дочкой покупала, но сама ходила редко, а тут начала тренироваться регулярно, и результат не заставил себя ждать.

Постройнев на размер, она прониклась к себе уважением. Но больше всего Марине нравилось, как прочищается во время тренировки голова, приходят решения, о которых не думалось раньше, да и вообще жизнь расцветает новыми красками.

Шагая по беговой дорожке, пыталась она понять, что все-таки в эту поездку произошло. Одно дело – увлекаться музыкой, совсем другое – музыкантом. Марина всегда выделяла Маэстро среди теноров, но любила в первую очередь партии и роли, а не исполнителя, не мужчину. Теперь, когда за костюмами и гримом ей открылся реальный человек, она оказалась в замешательстве. Пока он был рядом, Марина не могла устоять перед соблазном пообщаться со звездой. Маэстро понравился ей как бы автоматически, в силу обстоятельств. Великий певец снизошел до знакомства с поклонницей, кому еще так везло?

Не сказать, чтобы он был по-настоящему обаятелен. Маэстро не старался произвести впечатление, скорее наоборот – позволял себе держаться сухо, на грани обычной вежливости. Но случился же тот момент на Рубинштейна, когда он пел, и потом на Невском, когда она обняла его, и он не отстранился, ответив на объятие...

Марина помнила, как ей хотелось, чтобы Олег Владимирович ее поцеловал. Инерция момента должна была сработать в ее пользу, но не сработала – он только сжал ее чуть сильнее, прежде чем отпустить, и все. Случись этот поцелуй, добейся Марина своего, и все могло закончиться. Теперь же ситуация повисла в воздухе, оставив ее перед вопросом: что будет дальше? Он дал визитку, попросил связаться. Значит ли это, что во Франции их знакомство возобновится? Или Маэстро поступил так из вежливости?

Постепенно быстрая ходьба Марине надоела, и она, прибавив на дорожке скорость, побежала. Через пару километров почувствовала, как что-то изменилось: оказывается, за окном проглянуло солнце. Будоражащей волной нахлынула надежда. В июле в Эксе будет жара, много музыки и вкусное вино. Приедет Вика, они снимут дом, отдохнут. Что бы ни вышло из встречи с тенором, поездка принесет массу чудесных впечатлений. На этом и порешим.

В следующие недели навалилось столько дел, что Марина работала не поднимая головы. В издательстве готовилась к выходу ее книга – альбом с гравюрами Гюстава Доре. Надо было перепроверить информацию по иллюстрациям, окончательно утвердить обложку. Марина

вспоминала, сколько удовольствия получила, пока работала над переводом. Гравюры казались ей сказочными, рассматривать их можно было часами. Доре иллюстрировал Библию, «Дон Кихота», «Божественную комедию». Книга наполовину состояла из цитат, их все приходилось искать в первоисточниках, но Марина ничего не имела против. После того как в издательство поступит первый тираж, пройдет презентация: ее тоже предстояло организовать.

Тем не менее Марина не забыла купить билет в Марсель, за неделю до оперы. Оставалось ее любимое: забронировать дом.

Несколько дней она сидела в интернете, погруженная в выбор. Домов предлагалось много, на любой вкус. Часть Марина сразу отмела, как неподходящие: ей хотелось непременно с бассейном. Как минимум две спальни, для них с Викой. Кухня неважно, но нужно место для парковки. От города не очень далеко, чтобы было куда выйти.

Под ее параметры подходило достаточно предложений, но Марина не торопилась, намеренно растягивая удовольствие. Ей понравился домик на окраине Экса, с парковкой и бассейном, но находился он на территории большого фермерского хозяйства, то есть рядом и лошади, и гуси, и куры. Владельцы предупреждали, что сами живут там же, в отдельном строении и у них две большие собаки. Это немного смущало, и Марина поставила их вариант в избранное, но бронировать пока не решилась.

Другой дом находился далековато от городов, придется по любому поводу садиться за руль, ездить на машине. Зато спален там целых три, большая гостиная с камином (хотя кому он нужен в середине лета!). Сдавались дома по частям – первый этаж, второй этаж, но это Марине не подходило, даже если хозяева и утверждали, что живут очень тихо и гостей не побеспокоят.

В конце концов она остановилась на отдельной вилле поблизости от Авиньона. Пускай до Экса далековато, зато большой бассейн, три спальни, уединение. Пешком можно дойти до городка, где есть супермаркет и несколько кафе.

Вике она уже поручила подумать и составить список, куда бы ей хотелось прокатиться. Сама тоже записала пару мест: Валенсоль, Сен-Реми-де-Прованс, карьеры Люмьер. Где-то она уже была, но хотела наведаться еще раз. Арендовала заранее машину, чтобы сразу взять в аэропорту.

Подготовившись к поездке, занялась организацией пикника по просьбе бывшего мужа. Как обещала, обзвонила всех, кого он собирался пригласить. Мероприятие намечалось наполовину рабочее, часть гостей – будущие партнеры. Марина уже договорилась, чтобы в доме сделали уборку, заказала кейтеринг. Мужчины, конечно, захотят сами жарить на мангале мясо, но закуски, салаты и десерт лучше кому-то перепоручить. С помощницей по хозяйству случился сбой: заболела и не могла вовремя прийти. Посоветовала другую, но ту надо было проконтролировать – человек новый, территорию не знает. Марина запланировала, что купит в супермаркете по списку спиртное и поедет за город проверять, как там справились с уборкой.

Бродя вдоль полок в «Метро», она набирала виски – тот самый «Гленморанжи», – белое и красное вино, шампанское для дам. Несколько ящиков легко поместится в багажнике ее «Q3». Взяла заодно мыло для рук, чтобы не закончилось в неподходящий момент, коробку бокалов – подстраховаться, если разобьют гости. Бумажные полотенца, шпажки, большая упаковка салфеток, что еще? Вроде по списку закончила.

Продавец помог загрузить покупки в машину, получил чаевые. Марина села за руль, быстро доехала до дома, с пульта открыла ворота. Когда-то они жили здесь летом, возвращаясь на зиму в город. Привычным взглядом окинула она гравийный садик перед окнами: туи стали заметно выше, разросся можжевельник.

Марина зашла в дом, бросила у входа сумку. Ого, новая плитка в холле! Игорь давно планировал поменять, оказывается, уже сделал.

Марина рассмотрела внимательно мозаику: какая-то белая зверюга... Позвала:
– Игорь! Ты тут?

Муж (так и не привыкла называть его бывшим) – высокий, бородатый, в очках – появился из кухни.

– Привет!

Обнялись, поцеловались.

– Кейтеринг приехал? – спросила первым делом Марина.

– Да, тут.

– Все доставили, ничего не надо докупать?

– Да вроде бы нет.

Марина попросила мужа выгрузить из багажника алкоголь, проверила, чтобы льда в морозильнике было достаточно, долила мыло для рук в диспенсеры на кухне и в гостевой ванной. Уборщица как раз спустилась со второго этажа, и вместе они прошли по дому, проверяя, все ли в порядке.

Марина придралась к плитусам в гостиной, заставила второй раз протирать. Женщина зыркнула на нее недовольным взглядом, но взялась-таки за тряпку. Марина тем временем вышла на террасу, накрыла стол, разложила приборы. Поставила в вазу цветы. Вроде бы больше от нее ничего не требуется. Гости начнут собираться через час, можно отдохнуть.

– Вина хочешь? – спросил Игорь. – По бокальчику.

– Давай.

Игорь открыл бутылку белого – не того, что она сейчас привезла, а из собственных запасов. Белое «Бордо» заметно отдавало то ли дыней, то ли огурцом; прохладное, оно в эту теплынь пришлось очень кстати. Присели рядом на диван, вытянули ноги – Игорь в кроксах, Марина в белых кедах.

– Вика сказала, ты в Экс полетишь, – первым заговорил он.

– Ага. В середине июля.

– Дом уже нашла?

– Нашла, забронировала. Машину тоже.

– Вот и хорошо, отдохнете.

– А ты? Собираешься куда-нибудь?

– Возможно. Еще не решил.

– С подружкой?

– Тоже пока не знаю.

– У тебя же кто-то новый, да? Расскажешь?

Игорь пожал плечами:

– Да нечего пока. Познакомились месяц назад по работе. Делала нам макет для рекламы. Вроде толковая. Пригласил поужинать, то да се. Молодая очень, двадцать четыре года. Как Вика почти.

– А тебе бы хотелось старше?

– Мне бы хотелось взрослее.

– Понимаю. Я тебе тоже хотела рассказать...

В этот момент у мужа в кармане зазвонил телефон, и он, извинившись, вышел на террасу. Марина допила свой бокал, поставила на журнальный стол. Смахнула крошку от пробки. Наверное, надо выйти проверить гриль. Мясо и овощи для шашлыка готовы, мужчины потом пожарят.

Марина отвлеклась на дела, решив, что к разговору с Игорем еще вернется позже. Девушка его подъехала первой; он сам загнал ее машину в гараж, опасаясь, видимо, что она с непривычки не попадет в проем. Представил Марине – Мария. Ей стало смешно, почти одинаковые имена. Игорь называл девушку Машей.

Судя по всему, в доме она уже бывала: не оглядывалась и не озиралась. Сразу прошла к Игорю в кабинет, и они о чем-то негромко там говорили.

Марина, чтобы привести себя в порядок, поднялась в их бывшую спальню. Там все осталось по-прежнему: те же бирюзовые портьеры с кистями, серое шерстяное покрывало на двухспальной кровати. Рубашки и джинсы Игоря в шкафу, два парадных костюма, галстуки.

В ванной женской косметики не появилось, стояло лишь то, чем муж пользовался сам. Марина иногда пыталась представить, как будет чувствовать себя, если в доме поселится другая женщина, но почему-то это ей не удавалось. Вот появится, тогда и узнаем. Иногда ее реакции бывали парадоксальными – ожидала одного, оказывалось совсем другое. Как с Маэстро – думала, что будет восторгаться знаменитым тенором, а самой целоваться захотелось.

Запретив себе пока о нем думать, Марина поправила белую футболку, проверила, хорошо ли сидят джинсы, расчесала волосы перед зеркалом. Внизу у ворот просигналила машина: гости подъезжали. Всего они ждали семь человек, включая Марию. Плюс их самих двое. Встречать гостей должен был Игорь, Марина собиралась спуститься чуть позже. Встала у окна, затянулась электронной сигаретой – обычные в доме они не курили.

Явилась супружеская пара: симпатичный мужчина лет пятидесяти с женой помоложе. Оба в светлых брюках, свитера повязаны на шее. Зачем, когда так тепло? На жене темные очки на пол-лица. С заднего сиденья выпустили собаку, белого шпица, похожего на шерстяной клубок. Он засеменил короткими лапками по газону, потом присел и пустил лужу. Хозяин взял собаку под мышку, понес с собой в дом. Жена остановилась посмотреть на их гравийный садик: наклонилась к кусту ярко-розовой гортензии, которая только-только зацвела. Марина вздохнула: пора развлекать гостей.

Сбежав по лестнице, вышла во двор, и Игорь познакомил ее с хозяйкой шпица. Остальные гости приехали одной компанией, на арендованном микроавтобусе, чтобы никому не пришлось возвращаться за рулем. Этих Марина в основном знала. Разве что с молодой парочкой геев, как раз вероятных партнеров мужа, встретила в первый раз. Хотела было подшутить над Игорем, что слово «партнер» в Европе давно понимают не в бизнес-смысле, но решила не дергать его лишний раз, не нервировать.

Ему и дом-то понадобился для того, чтобы с соседями не встречаться. И бизнес он вел практически весь по интернету, стараясь контактировать с сотрудниками поменьше. Но все-таки иногда устраивал обязательные выезды, корпоративы и такие вот пикники. Поручая организацию, конечно же, Марине, всегда готовой помочь. Вот и сейчас она усаживала всех по местам, предлагала напитки, а Игорь, как хозяин, наливал. Начались тосты, разговоры. Марина отошла включить музыку, чтобы играла фоном. Потом позвала гей-пару к Игорю в кабинет, уточнить условия сотрудничества. Договор уже был готов, оставалось обговорить мелкие детали. Дальше мужчины – все четверо – отправились жарить шашлыки на мангале возле террасы. На свежем воздухе и мясо, и овощи, и вино расходились стремительно. Гости ели, Марина следила, чтобы бокалы пополнялись вовремя.

Игорь, традиционно сидевший во главе стола, встал:

– Следующий тост – за мою правую руку и идеальную женщину!

Маша потупила глаза, но он – вечно неловкий – продолжал:

– Марина, спасибо тебе большущее, что собрала нас сегодня здесь! Друзья, без моей бывшей супруги не было бы ни нашей компании, ни этой встречи. Поэтому за Марину, и давайте ей все пожелаем отлично отметить свой день рождения в Экс-ан-Провансе. Подарки, конечно, заранее вручать не принято, но пускай это будет просто сюрприз от меня!

Покопавшись в заднем кармане джинсов, Игорь вытащил небольшую плоскую коробочку.

– Ну, мать, открывай!

Марина открыла: на светло-голубом шелке лежали маленькие серьги из белого золота с аквамаринными каплями.

– Нравится?

– Очень! Можешь заказывать из Франции любое вино, какое хочешь, я тебе привезу!

Все загомонили, захохотали. Марина, довольная, села на свой стул, стараясь не смотреть на Машу, щеки которой так и горели. Бедняга! Марина очень ее понимала: душевной тонкостью Игорь никогда не отличался. Зачем было при ней поздравлять бывшую жену, да еще делать дорогие подарки! Мог бы подождать, пока разъедутся гости. Хотя, кто его знает, вдруг Маша остается ночевать.

Игорь зажег на террасе свет, Марина предложила гостям десерты, кофе или чай. Шпиц давно дремал под столом у хозяина в ногах. Супружеская пара уехала первой, за ними засобирались и остальные. Судя по довольному лицу мужа, произвести впечатление на парочку геев удалось, что и было главной целью пикника. Маша, как выяснилось, действительно собиралась остаться у него, поэтому Марина решила не задерживаться и, проверив кухню, отправляться восвояси.

Перед отъездом загрузила тарелки и бокалы в посудомойку, разложила по контейнерам остатки еды, убрала в холодильник: Игорю пригодится, еще пару дней будет доедать. Сам он зашел на кухню с мешком из-под угля в руках, бросил его в мусорное ведро и встал напротив.

– Еще раз спасибо, мать. Что бы я без тебя делал!

– Да не за что. Обращайся.

– Ты вроде хотела что-то рассказать...

– А как же Маша? Она тебя ждет.

– Да она уснула в беседке на диване. Выкладывай! С Викой все в порядке?

– Тьфу-тьфу, – Марина сплюнула через плечо. – У меня интересное знакомство случилось.

– Я весь внимание.

– Помнишь, я летала в Питер на «Пиковую даму»?

– Наверное, помню. Месяц назад.

– Почти. Так вот, я Калугину хотела букет подарить.

– Калугин – это который тенор?

– Который тенор. Он меня до отеля подвез.

– Тенор до отеля?

– Игорь, ты тупой? Да, тенор до отеля. На «Мерседесе» с шофером.

– Он что, мимо проезжал? А ты голосовала?

– Нет, я у него автограф хотела взять. Короче, дело не в этом. Я, кажется, в него влюбилась.

– В шофера?

– Издеваешься? Ну-ну. Но мы договорились встретиться в Экс-ан-Провансе. Он там будет петь. В «Пиковой даме».

– Так сходи, послушай...

– Само собой. Я уже нам с Викой билеты купила. Тебе как кажется, я... могу еще рассчитывать на что-то?

– В смысле? На отношения?

– Например.

Игорь покачал головой:

– А говоришь, я тупой! По-моему, еще как можешь. Выглядишь роскошно!

– Вот это спасибо!

На душе у Марины потеплело. Действительно, какие ее годы!

– Слушай, – пришла внезапно в голову мысль, – а можно я твои сережки Вике отдам? Не обидишься? Ей больше пойдут.

– Думаешь? А что, тебе не очень?

– Ну, просто это немного не мое. А ей точно понравятся.

– Подарок твой, тебе решать.

Марина заглянула мужу в лицо – проверить, не обиделся ли. Вроде бы нет.

– Ты Маше объясни, что это для дочери серьги, не для меня. Ей за столом явно неприятно было.

– Вон оно что! Ну ладно, как скажешь.

Марина огляделась по сторонам в поисках телефона:

– закажешь мне такси? Вина сегодня многовато было, за руль не сяду.

– Хорошо. Твою машину я тогда завтра пригоню. Мне в город надо. Кстати, ее менять не пора? Пять лет проходила, я сейчас только понял. Если продам франшизу, смогу тебе новую купить.

По дороге домой Марина вытащила из сумки коробочку с серьгами и как следует их рассмотрела. Очаровательные, хоть и не в ее стиле. Дочери будут в самый раз. Каким-то неосознанным порывом она решила их передарить и теперь начинала понимать, что на самом деле ждет подарков от другого мужчины. Обоснованно? Или нет?

Марина включила в телефоне плейлист Маэстро, вставила наушники и закрыла глаза.

Глава 5

*Посмотрите, посмотрите,
как тут много бродит всяких:
И военных, и гражданских,
как изящны, как прекрасны.*

*М. Чайковский,
либретто к опере «Пиковая дама»*

До отъезда оставалось еще одно важное дело: устроить презентацию того самого альбома Гюстава Доре. Тираж только что пришел из типографии, книги уже развозили по торговым сетям. Стоили они дорого, и надо было организовать соответствующий резонанс. Отдел маркетинга взялся за дело, на презентацию созвали массу народу. Теперь Марина договаривалась о зале, подарках для гостей, угощении и прочих деталях. Но главное, ей удалось устроить, чтобы на несколько дней прилетели из Франции издатели и автор, ученый-искусствовед, у которых они купили права на публикацию в России.

Встречать французов и заниматься культурной программой предстояло тоже ей. Марина прикинула, куда их можно сводить: конечно, в Пушкинский музей и в Большой театр. Поселить в самом центре, чтобы везде ходили пешком. Тем более флагманский магазин издательства на Большой Дмитровке, тут все по соседству. Там и надо проводить презентацию. Лекция автора, Марина переведет. Разыграют для читателей несколько экземпляров, если кто-то захочет, автор текста поставит автограф.

План складывался неплохой, и Марина была на подъеме – то ли от своих успехов, то ли от предстоящей поездки. Время от времени звякал телефон, приходили уведомления: «Вы забронировали жилье в г. Авиньон, не забудьте предупредить хозяев о своем приезде». Или: «Оплата за аренду автомобиля будет списана с вашей карты автоматически».

В один из дней Марина вышла из издательства, решив пообедать, и увидела в меню тот самый «Хьюго» с бузинным ликером и просекко, который пила в последний раз с Маэстро. Коктейль плеснул, золотой и маслянистый, в бокале, опять побежали вверх пузырьки, и Марина, подчиняясь внезапному порыву, напечатала в электронной почте сообщение:

«Олег Владимирович, здравствуйте!

Мы договаривались связаться, если вы помните, когда я буду в Экс-ан-Провансе. Прилетаю пятнадцатого числа, у меня билеты на ваш спектакль двадцать первого. Приедем с дочерью, я бы хотела вас познакомить, вы не против?

Может быть, позвоните мне, когда появится возможность? Заранее большое спасибо,
Марина Г.».

Выдохнула, перечитала и нажала кнопку «Отправить». Отпила коктейль, вдыхая свежий крапивный аромат.

И тут же увидела во «Входящих» ответ:

«Ваше письмо О. В. Калугину доставлено. См. программу ближайших выступлений по ссылке».

Ссылка загорелась под текстом; Марина нажала и перешла на страницу фестиваля.

Ого, уже появились фотографии! Маэстро, почему-то растрепанный и в халате, подслеповато таращится в камеру. Это что же, Герман – старый пьяница? Пациент психушки? Да уж, нынешние режиссеры и не на такое способны...

Вечером, уже дома, Марина села еще раз проверить почту. Пришли подтверждения от французов: и издатель, и редактор, и автор текста собирались прилететь. Вика сбросила ссылку на новые фотографии. Прислали на проверку проект договора, с которым Марина билась уже несколько недель. И в самом конце списка обнаружился мейл от Маэстро.

«Буду рад повидаться, позвоните, когда устроитесь». Подпись «О.В.».

Оставалось дожить до середины июля. На следующей неделе прилетают французы, надо встречать, размещать, заниматься. Хорошо если окажутся симпатичные люди, но это вряд ли. Французская мелочность и скардность Марине давно известны. Ладно, разберемся.

Первая встреча в аэропорту ничего хорошего не сулила. Издатель, носатый мужичок с кучерявой головой, был недоволен буквально всем: долгим ожиданием перед вылетом, едой в самолете, московской жарой. Редактор оказалась бойкой девушкой с короткой стрижкой, в рваных джинсах и с парусиновым рюкзаком. Разве что автор книги, Роже, был славный: тихий и сдержанный. На вид Марина дала бы ему лет пятьдесят. Он постоянно поправлял на носу очки без оправы, хватался за карманы, проверяя документы и кошелек. Втроем они загрузили чемоданы Марине в багажник, расселись по местам, и она повезла их в «Мариотт».

В отеле издатель тоже всячески демонстрировал свое недовольство, редакторша озиралась по сторонам с немым восторгом, а автор присел в кресло и терпеливо ждал. Расселив их и дав дальнейшие инструкции: отдых до вечера, потом ужин в ресторане с русской стороной, – Марина вышла подышать у дверей отеля, прежде чем спуститься за машиной в подземный гараж. Поискала в сумке сигареты – как назло, пачка закончилась. Огляделась по сторонам и увидела автора – Роже тоже выбрался на улицу курить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.